

Дарья Донцова

Улыбка 45-го калибра

Любительница частного сыска
Даша Васильева

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Улыбка 45-го калибра

«ЭКСМО»

Донцова Д. А.

Улыбка 45-го калибра / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
— (Любительница частного сыска Даша Васильева)

Даша Васильева приглашена на званый вечер к профессору Юрию Рыкову. Каково же было ее возмущение, когда на следующее утро супруги Рыковы обвинили ее в краже золотого яйца работы Фаберже, якобы являвшегося их семейной реликвией. Бульварная газетенка «Улет» опубликовала статью, где Дашу также называли воровкой. Чтобы защитить свою репутацию и помочь вернуть яйцо его законной владелице Амалии Корф, любительница частного сыска Даша Васильева начинает собственное расследование. И тут один за другим начинают погибать участники званого вечера. Ну, словно мор на них напал!.. «Ох, неспроста все это, неспроста!» – думает Даша и решает хоть из-под земли достать яйцо работы Фаберже...

© Донцова Д. А.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дарья Донцова

Улыбка 45-го калибра

Глава 1

Если день не заладился с самого утра, вечером непременно случится какая-нибудь пакость. Что касается меня – это стопроцентная закономерность. Но утро первого апреля для всех дураков не предвещало ничего плохого. Домашние веселились как могли. Услышав грохот, а потом лай всех наших пяти собак, я натянула халат и спустилась на первый этаж. Домработница Ирка огорченно сказала:

– Вот, тянула шланг и разбила вазу.

– Ну и фиг с ней, – ответила я, зевая, – она мне никогда не нравилась, а выбросить рука не поднималась. Но зачем тебе понадобился садовый шланг в доме?

– Так позвонили от охранников и сообщили, что нам отключают воду на неделю, – тяжело дыша, сказала Ирка, – я побежала в ванную на первом этаже, открутила краны и...

– Что?

– Ничего, ни капли, как в пустыне. Вот хотела из колонки во дворе воды набрать.

– Значит, звонили?

– Ага, мужчина.

– В доме воды нет?

– Нет. Сказали, во всем поселке семь дней воды не ждите.

– Ира, – строго сказала я, – раскинь мозгами. Во всем нашем поселке нет воды, а у нас в колонке, по-твоему, есть?

– Действительно, – призадумалась домработница, – странно.

– Ничего удивительного, – вздохнула я, – тебя Аркадий который год первого апреля именно так и разыгрывает. Идет в подвал, перекрывает вентиль, а потом сообщает по телефону, что все, больше ни капли целый месяц, и ты начинаешь таскать в дом воду ведрами. Ну вспомни, как он в прошлом году приказал тебе заполнить все емкости вплоть до чайных чашек!

Ира надулась.

– Ну уж и не такая дура, как вы меня представить хотите! Сразу поняла, что Аркадий Константинович шутит!

– Зачем тогда шланг потянула?

– А вдруг действительно отключат?

Сказав последнюю фразу, домработница повернулась ко мне спиной. Она явно собиралась идти за веником и совком, чтобы убрать осколки.

И тут я захохотала в голос: пониже спины у Ирки болталась прицепленная крючком к юбке рыбка, вырезанная из бумаги. Это чисто французский прикол. Русские люди первого апреля самозабвенно врут и обманывают друг друга, а граждане Первой республики цепляют всем подряд – знакомым и незнакомым – рыбок. Я встречала на улицах Парижа ничего не подозревающих людей, спины которых украшали стаи «лососей». Прохожие, встретив такого «рыбака» или «рыбачку», естественно, смеются. Для нас Париж – второй дом, вот мы и набрались чужих обычаев.

За завтраком подали оладьи. Аркадий, Ольга и Маня быстро расхватили дымящуюся гору и принялись с аппетитом поедать любимое блюдо. Я же никак не могла справиться с оладушкой, оказавшейся на моей тарелке. Нож не хотел ее резать, вилка не желала в нее втыкаться... Наплевав на приличное поведение, я ухватила жирный кругляшок пальцами и попыталась откусить. Не тут-то было. Повторив несколько раз бесплодные попытки, я устала на сына,

дочь и невестку, которые, мигом слолав свои ароматные лепешки, собирались приступить к кофе.

– Странная какая, – пробормотала я, тыча ножом в оладушку.

– Вам ее ни за что не съесть, – хихикнула Ирка, подавая кофе.

– Почему?

– Так она резиновая, – сообщила домработница и откровенно захохотала.

Противные дети начали бурно радоваться. Я молчала. Ничего, ничего, сейчас кто-нибудь откроет сахарницу. И точно. Ничего не подозревающая Ольга, которую все дома зовут Зайкой, схватила керамический бочонок, сняла крышку и насыпала себе в кофе три ложечки песка. Вслед за ней и остальные потянулись за сахаром. Вмиг над их чашками появился белый дымок, и содержимое начало фонтаном взлетать вверх.

– Что это? – заорала Зайка.

Я хихикнула: продавцы в магазине «Смешные ужасы» не обманули. «Взрывающийся сахар» – весьма эффектная фенька.

Потом в столовую влетел как всегда опаздывающий на работу Дегтярев и плюхнулся на стул. Раздался характерный звук: «пу-ук».

– Что случилось? – подскочил полковник.

Маша с самым невинным видом заявила:

– Извини, дядя Саша, но мы слишком хорошо воспитаны, чтобы реагировать на то, что ты пукаешь за завтраком.

– Я? – побагровел Александр Михайлович.

– Но ведь не я же, – ответил Кеша.

Полковник разинул рот и не нашел достойного ответа. Мне стало жаль наивного толстяка:

– Встань.

Дегтярев покорно поднялся. Я откинула со стула накидку и потрясла перед ним резиновым мешочком.

– Сегодня первое апреля, и они подсунули тебе пукательную подушку.

Весело хохоча, домашние понеслись к выходу. Всех их ждал напряженный день: у Мани сегодня две контрольные, потом занятия в кружке при Ветеринарной академии, у Зайки выход в эфир на телевидении где-то около пяти. Моя невестка ведет спортивную программу. Аркадий направлялся в тюрьму. Не подумайте плохого: мой сын – адвокат и в следственном изоляторе встречается с клиентами.

– Дурацкая шутка, – буркнул полковник.

С недавнего времени Дегтярев живет в нашем доме в Ложкине. Нас связывают годы дружбы, и дети хотели, чтобы полковник переселился в Ложкино. Тот долгое время сопротивлялся изо всех сил, но в конце концов они его «сломали», и Александр Михайлович переехал в коттедж. Он мой старый друг. Дегтярев был свидетелем моих четырех замужеств, и я никогда не рассматривала полковника как возможного сексуального партнера. Впрочем, он тоже не пытался ухаживать за мной.

– Нет, все-таки здорово, – сказала как-то раз Манюня, – что дядя Саша не захотел жениться на мусечке. Он бы давным-давно от нее сбежал, роняя тапки. А так живет с нами под одной крышей.

– Какой кретин придумал эти подушки? – негодовал Дегтярев, наваливая себе на тарелку олады.

Я изловчилась, сунула ему в чай пластмассовую муху и предложила:

– А ты отомсти.

– Как?

– Кто из нас в милиции работает? Придумай.

– Верно, – обрадовался полковник, – сейчас Аркадию мало не покажется!

Он схватил телефон и закричал:

– Алло! Симбирцева позовите. Слышь, Коля, это я, Дегтярев. Сообщи там на посты, пусть тормознут джип «Шевроле» номер М 377 ОМ. За рулем Воронцов Аркадий Константинович. Нет, ничего не сделал, он адвокат, просто мне нужно, чтобы он от Кольцевой дороги до СИЗО № 3 пару часов ехал. Останавливайте, проверяйте документы, багажник, извиняйтесь и отпускайте. Только отдай приказ всем! Ну спасибо.

Положив трубку, полковник торжествующе сказал:

– Вот, будет знать, как меня прилюдно позорить!

Я была в курсе, что подушечку под полковника положила Маруська, но выдавать дочь не стала, а просто поднялась к себе и позвонила сыну на мобильный.

– Кешка, оставь джип где-нибудь на стоянке и пользуйся сегодня леваками.

– Это еще почему? – возмутился парень.

– Поверь, что так будет лучше.

– Знаешь, мать, – донеслось из трубки, – ты фиговая выдумщица, даже разыграть не можешь как следует.

Я швырнула трубку на кровать. Ладно, посмотрим, как ему понравится объясняться сегодня весь день с дорожно-патрульной службой. Мое дело предупредить, а его – не прислушаться к моему совету.

День потек своим чередом. Я мирно читала детектив, когда раздался звонок.

– Дашка, ты? – нервно прокричал Жора Колесов.

– Привет, слушаю.

– Чего делаешь вечером?

– Смотря в каком часу...

– В семь.

– Наверное, буду глядеть «Новости» по НТВ, а что?

– Дашка, – заныл Жора, – будь другом, выручи!

– Опять машину разбил? – спросила я.

Жору Колесова я знаю лет десять. Его первая жена Катюшка была моей хорошей подругой. Катька прожила с Жоркой лет шесть, потом развелась и уехала в Израиль, а ее бывший муж остался в России и числился у нас в друзьях. Колесов, расставшись с Катей, женился еще не раз. Вторую его супругу, Аню, я тоже знала, а вот с остальными не успела познакомиться, уж больно часто он их менял. Жора занимается бизнесом, торгует компьютерами и довольно хорошо зарабатывает, но вечно сидит без денег. Во-первых, он жуткий бабник старой закваски. Даже случайным любовницам делает дорогие подарки, а во-вторых, гоняет на автомобиле как угорелый и вечно попадает в аварии. Как всех дураков, господь его бережет: Колесов еще ни разу не побывал в больнице, но тачки он сдает в металлолом – они после аварий восстановлению уже не подлежат.

– Нет, – ответил приятель, – сходи со мной в гости.

– Зачем? – изумилась я.

– Меня пригласили на вечеринку, велено явиться с дамой.

– Господи, да позвони любой из твоих девиц.

– Они в данном случае не подходят, – грустно сообщил Жора, – шалавы, не тот уровень. Еще, не дай бог, вздумает рот раскрыть, потом позора не оберусь. Тут такое дело, ты послушай.

Колесов ухитрился получить исключительно выгодный заказ. Университет медицинского образования собрался закупать компьютеры, штук триста, а то и больше. А вместе с ними принтеры, сканеры и прочие прибабасы. Прежде сделок такого масштаба у Жоры не было. Колесов и ректор договорились обо всем всего за одну неделю и остались довольны друг другом. Один – тем, что сумел провернуть отличное дельце, другой – тем, что как оптовый заказчик получил значительные скидки. И вот теперь этот ректор прислал Жоре приглашение. Колесов

прибалдел, когда вынул из конверта открытку, на которой было написано: «Доктор наук, профессор Рыков Юрий Анатольевич, имеет честь пригласить Вас с дамой по Вашему выбору на прием, который состоится первого апреля в 19.00 по адресу: Киселевский проезд, 18, к. 7, кв. 2». Внизу мелкими буквами значилось: «Форма одежды мужчин – смокинг!»

Со смокингом у Жорки проблем нет, их у него несколько. А вот со спутницей дело обстоит гораздо хуже. Девки Колесова категорически не годятся для того, чтобы появляться с ними в свете. Молоденькие, хорошенькие, длинноногие, в мини-юбочках, они, к сожалению, глупы как пробки и вульгарны. Что поделать, Жорку привлекает именно такой типаж. С умной, интеллигентной Катюшей, образованной и самодостаточной Аней он ужиться не смог. Лучше всего Жора чувствует себя в компании нимфеток из социальных низов. На их фоне он – король, но как привести подобную даму на прием к господину Рыкову? Конечно, можно было бы прикинуться больным и не пойти на суарэ, но Жоре очень хотелось побывать на этой тусовке. Скорей всего, там соберутся непростые люди, и Колесов надеялся завязать контакты, ему уже виделись в перспективе выгодные сделки. Вот он и ныл теперь в трубку:

– Дашка, ну что тебе стоит? Одень брюликов побольше...

– И тебя не скрючит пойти на тусовку с такой старой кошелкой, как я?

– Все бы так выглядели, – фыркнул Жора. – Ну чего тебе, трудно, а? Потусуешься, поговоришь по-французски, позвякаешь украшениями, глядишь, у меня контракт в кармане. Будь другом, выручи, ну не могу же я на такое мероприятие с кем-нибудь из своих курочек топать, а?

– Ладно, уговорил.

– Клево, – заорал Колесов, – в шесть тридцать явлюсь в Ложкино!

– Зачем? Сама приеду.

– Ну нет, дама должна приехать с кавалером, – уперся Жорка.

По-моему, все эти условности этикета – не более чем китайские церемонии. Жуткая глупость, придуманная людьми, которым некуда девать свободное время. Ну скажите на милость, не все ли равно, какой вилкой есть рыбу? И так ли уж важно, какого цвета ботинки на мужчине, если часы показывают девять вечера? Но не надо хихикать, не все так просто, как вам кажется. Если стрелки подошлись к восемнадцати часам, лица мужского пола не должны надевать ничего коричневого. Только не спрашивайте, почему. Не должны, и все тут. Кстати, если прием проводится с рассадкой за столом, вы не можете плюхнуться на любое место, а обязаны занять то, которое предназначено именно вам.

И не дай бог сесть не на свое место. Вас мигом переместят. Помните знаменитую фразу Ельцина:

– Не там сели, пересядьте!

Для кого-то имеет принципиальное значение, в каком порядке устроились за столом служащие. Вот и Жорка не мог допустить, чтобы я явилась на прием одна в своем «Пежо». Хотел, чтобы приехала вместе с ним.

Около шести часов я, одетая для приема, с вечерним макияжем на лице, вышла в гостиную и увидела Машу.

– Ты дома? В академии отменили занятия?

– За Черри приехала, – вздохнула девочка, – хочу ее профессору показать.

– Что случилось? – испугалась я.

В нашем доме пять собак, и пуделиха Черри из них самая пожилая: ей стукнуло уже девять лет.

Маня тяжело вздохнула:

– Тебе ничего не показалось странным в ее поведении?

– Ну... есть стала очень много, сильно растолстела, вон какое брюшко отвисло, просто сарделька ходячая, а не собака.

– Я пальпировала ее живот, – завела Маруська.

– Что ты сделала? – не поняла я.

– Ну пощупала ей пузо, по-моему, там опухоль.

Мое хорошее настроение мигом улетучилось. Опухоль... Бедняга Черри, собаки, как и люди, могут получить онкологическое заболевание. Девять лет – преклонный возраст для пуделя... Мы, конечно, сделаем для Черри все, но скорей всего конец ее близок. Слезы подступили к глазам. Заводя собаку, понимаешь, естественно, что переживешь ее, но, когда верный друг покидает тебя, это очень тяжело.

Машка нацепила на ошейник Черри поводок, села в машину к Ольге, и они уехали. Я вышла во двор, и тут же появился Жорка на не слишком шикарном, но довольно новом «Мерседесе». Он окинул меня оценивающим взглядом и сообщил:

– Блеску мало, нацепи еще колечек, браслетиков и цепочек.

Я села на переднее сиденье и ответила:

– Жорик, там, куда мы едем, наверное, не принято навешивать на себя килограммы золота. Поверь, эти серьги и перстень стоят очень дорого, но они не вульгарны и не бросаются в глаза. Тот, кто понимает в драгоценностях, сразу сообразит, что к чему.

Глава 2

Юрий Анатольевич Рыков обитал в огромной отлично отремонтированной семикомнатной квартире. Темная старинная мебель в гостиной выглядела великолепно: никаких царапин, пятен или сколов. По стенам тут и там висели картины в тяжелых рамах. На потемневших холстах мужские и женские портреты. Стол переливался хрусталем. Сам хозяин выглядел сногсшибательно – черный смокинг, красная бабочка и такого же цвета пояс. Ярковатое сочетание, но Юрий Анатольевич, щупленький мужчинка чуть выше меня ростом, одевался так, наверное, чтобы казаться повыше. Этой же цели служили и лаковые ботинки на высокой платформе. В домашних тапочках профессор был росточком с нашего мопса Хуча. Зато жена его оказалась роскошной молодой дамой лет двадцати пяти, не больше. Ярко-зеленое платье туго облегалось ее аппетитную фигуру. К такому наряду полагаются туфли на шпильках, но на ногах госпожи Рыковой красовались элегантные кожаные лодочки без всякого намека на каблуки. В них она была почти одного роста с супругом, разве что сантиметров на пять-семь повыше, не больше. И бриллианты у нее в ушах и на пальцах были много крупнее моих. Оглядев присутствовавших в гостиной дам, я поняла, что, собираясь на прием, фатально просчиталась: мне следовало бы нацепить на себя все драгоценности, хранящиеся в домашнем сейфе. Дамы сверкали и переливались. На хозяйке рядом с бриллиантами красовались изумруды. В ушах – размером с куриное яйцо, на пальцах – чуть поменьше, скажем, с яйцо перепелки, а на шее, если продолжить этот ряд сравнений, болталась цепь, на которой покачивалось нечто похожее на яйца, из которых вылупляются страусята. И уж поверьте мне, это были отличные камни, чистой воды, в вычурных дорогих оправках.

Одна из дам пламенела рубинами. Тетки, должно быть, договорились предварительно между собой, чтобы не оказаться в одном цвете, а может быть, так получилось случайно, однако женщину, которую представили мне как Розу Андреевну, украшал такой же набор, как и у хозяйки – серьги, ожерелье, кольцо, – но с камнями темно-красного цвета.

Вечер протекал вяло. Хозяйка дома, ее звали Сабина, совершенно не занималась гостями. Она оживленно разговаривала с мужчиной, отзывавшимся на имя Яков. Два мужика – Владимир Сергеевич и Леонид Георгиевич – без конца рассказывали Юрию Анатольевичу о каких-то делах, понятных только им. Никто не собирался вовлекать Жору и меня в беседу. Было вообще непонятно, зачем Колосова сюда позвали. Я еле-еле дождалась возможности встать из-за стола. Моей соседкой справа оказалась Роза Андреевна, от которой удушающе несло духами «Шанель». Легендарная Коко понимала толк в парфюмерии, я люблю созданные ею ароматы, но все хорошо в меру. Если опрокинуть на себя целый флакон, а милая Розочка, похоже, не пожалела и двух, то окружающие ощущают себя словно в газовой камере. Старая истина, которую любят повторять врачи: в ложке – лекарство, а в чашке – яд, может быть перефразирована: в капле – аромат, во флаконе – удушье. Да еще все окна были плотно закупорены, и я почувствовала приближение мигрени.

После десерта я пошла в туалет и по дороге заглянула в пару комнат. Повсюду роскошные люстры, туркменские ковры и антикварная мебель.

В санузле я провела полчаса. Уходить оттуда совершенно не хотелось. Там пахло намного приятней, чем в гостиной. В ванную комнату, явно не предназначенную для гостей, я скорей всего попала по ошибке. На полочках стояло несметное количество незнакомых мне баночек. Я не утерпела и стала изучать их содержимое. Вся косметика была сделана в России неизвестной мне фирмой «Маркус». Честно говоря, я удивилась. Сабина выглядела модной светской дамой. У такой предполагается наличие косметики ведущих западных фирм, а здесь была российская продукция... Это удивительно. В полном недоумении я перебирала тюбики и пластмассовые баночки. В нашей стране производят хорошие шоколадные конфеты, вкусную сыро-

копченую колбасу и замечательные хлопчатобумажные ткани. Но духи и кремы у нас не ахти какие. Может, этот «Маркус» исключение? Вот, например, крем для удаления пигментных пятен. Преисполненная любопытства, я выдавила на ладонь немного светло-желтой массы и поморщилась. Так и есть – сильно отдает аптекой. Попробую намазать им руки, у меня как раз появилась парочка ненужных темных пятен на кистях рук.

Но, как ни интересно было в ванной, пришлось возвращаться в гостиную и маяться там в ожидании момента, когда прилично начинать откланиваться.

Дома я очутилась около полуночи. Злая, с больной головой и в плохом настроении.

– Мусечка, – прошептала Маня, влезая ко мне в спальню, – не спишь?

– Пытаюсь уснуть.

– Прикинь, радость-то какая!

– Ну?

– Угадай, что с Черри? – хихикнула дочь.

– Опухоль доброкачественная, – заулыбалась я.

Маня рассмеялась.

– Доброкачественнее некуда, более того, не одна, а целых пять.

– Опухолей?

– Нет, мусик, ну подумай еще раз.

– Извини, не понимаю, чего пять?

– Щенков.

Я так и подскочила.

– Ты хочешь сказать, что Черри беременна?

– Именно.

– Но ей девять лет!

Маруська развела руками.

– Любви все возрасты покорны.

– Мы не водили ее к кавалеру.

– Она его сама нашла.

– Где?

– Понятия не имею.

– Может, Хуч постарался?

– Вряд ли, – вздохнула Маруська, – он слишком маленький, если только табуреточку подставил.

– А Банди со Снапом?

– Питбуль и ротвейлер? Ты чего, мамуля, они же здоровенные.

– Кто же тогда?

Манюня поколебалась минуту.

– Я думаю на Гектора.

Гектор, мальтийская болонка снежно-белого цвета, принадлежит нашим соседям Сыромятниковым.

– Ему лет десять, – возмутилась я.

– Вот такой шалунишка, – засмеялась Маруся. – Мулечка, не куксись, радуйся, что Черри здорова.

Я кивнула.

– И когда ждать прибавления?

– Со дня на день, – пояснила Маня. – Прикинь, как здорово! Обожаю щеночков.

Я была настроена не столь оптимистично. Наша йоркширская терьериха Жюли родила один раз детей от мопса Хуча. Мопсотерьеров мы потом пристраивали с огромным трудом. Теперь, похоже, получатся пуделеболонки или болонкопудели. Ладно, если хоть один окажется

белым, как Гектор, мигом суну его Карине Сыромятниковой. В конце концов отец тоже должен нести ответственность за произошедшее.

На следующий день где-то около часа раздался звонок. Высокий дамский голос произнес.

– Позовите Дарью.

– Слушаю, – отозвалась я.

– Это Сабина, вы вчера были у нас в гостях.

– Да, да, большое спасибо, вечер прошел чудесно.

– Лучше отдайте по-хорошему, – заявила вдруг мадам Рыкова.

Я растерялась.

– Что?

– Сами знаете.

– Извините, не понимаю.

– Не корчи из себя дуру!

Я обомлела.

– Да в чем дело?

– Воровка!..

– Я?

– Конечно.

– Но что случилось?

– Она еще спрашивает! Отдай по-хорошему, без скандала.

– Я ничего у вас не брала.

Сабина отрезала железным тоном:

– Ну ладно, тебе же хуже будет, дрянь подзаборная.

Я в недоумении уставилась на противно пищущую трубку. У этой дамы что, крыша поехала? И откуда она знает мой телефон, мы только вчера познакомились, я своего номера ей не давала. Ничего так и не поняв, я позвонила Жоре и потребовала у того разъяснений. Колесов удивился не меньше моего и сказал:

– Забудь, небось у этой Сабины с головой беда. Идиотская вечеринка. Зачем они вообще меня звали, да еще с дамой! Сидели бы в своей компании и болтали между собой, на фиг мы им сдались. Забудь, Дашутка, плюнь и разотри.

Но мне все равно было неуютно. Что я должна отдать? Около пяти часов вечера Ирка всунула голову в мою комнату.

– К вам гость.

– Кто?

Домработница хихикнула:

– Такой важный, прямо павлин. Вошел и заявил: «Любезнейшая, передайте господам мою визитную карточку». Ну чисто, как в кино!

Я взяла красный прямоугольник, на котором золотом была вытиснена информация: «Юрий Анатольевич Рыков».

Через секунду я влетела в гостиную и увидела профессора около окна. Он услышал звук шагов, повернулся и, забыв поздороваться, сурово заявил:

– Вот, пришел выяснить недоразумение.

Я оглядела незваного гостя. Сегодня на нем красовался элегантный костюм густо-серого цвета, белая рубашка, подходящий по тону галстук, на котором виднелся простой золотой зажим. Однако ноги, как и вчера, были обуты в туфли на толстой подошве. Мне стало смешно. Этот мужик, старающийся произвести впечатление богатого и самодостаточного человека, на самом деле явно страдает комплексом неполноценности. Так переживать по поводу собственного роста!..

– Любезнейшая, – продолжил Рыков, – лучше отдайте подобию-поздорову.

– Что?

– Ну хватит!

– Послушайте, – вскипела я, – мне надоела эта глупейшая ситуация. Сначала звонит ваша жена и устраивает истерику, теперь вы являетесь. В чем дело, в конце концов? В чем меня подозревают?

Юрий Анатольевич налил кровью.

– Подозревают! Да я точно знаю, что вы украли его.

– Кого?

– Не кого, а что, и хватит идиотничать! Отдавай немедленно!

Я встала и распахнула дверь.

– Убирайтесь вон. Я ничего не брала в вашем доме.

– И не подумаю, – заявил мужик, – буду тут сидеть.

В полном негодовании я схватила телефон и позвонила в домик охранников.

– Алло, из пятого коттеджа Васильева беспокоит. У меня тут человек буянит. Явился без приглашения и теперь хулиганит.

Спустя две минуты в гостиной появились трое парней в черной форме.

– Вот этот, – указала я пальцем на Рыкова.

– Пройдите на выход, – сказал один из охранников.

Юрий Анатольевич стал нежно-зеленым, точь-в-точь как только взошедший на грядках салат.

– Имейте в виду, я этого так не оставлю. У меня связи на самом верху.

– Пройдемте, – настаивал дежурный.

С видом оскорбленного короля Рыков дошел до двери, потом обернулся и прошипел:

– Ну погоди, дрянь, будешь знать, как обкрадывать приличных людей.

Я только вздохнула. Милейший Юрий Анатольевич уверен, что красть нельзя только у тех, кто добился успеха в жизни? А у простых граждан, значит, можно?

– Тварь, – выплюнул Рыков.

– Запишите номер его машины, – попросила я секьюрити, – и больше никогда не пропускайте этот автомобиль на территорию Ложкина.

Примерно через два часа во дворе хлопнула дверца машины, и в гостиную влетел Жора Колесов.

– Ты одна? – заорал он.

– Мои еще не вернулись.

– Это хорошо, – пробормотал Жорка, плюхаясь в кресло.

– Почему? – удивилась я.

– Потому что тут такое дело...

– Говори, – мрачно пробурчала я. – Знаю, знаю, о чем речь пойдет. К тебе приезжал Рыков. Одного не пойму: он несет такую чушь...

– Слушай, – мрачно сообщил Колесов и принялся вываливать информацию.

Чем дольше он говорил, тем ниже у меня отвисала челюсть. В такую ситуацию я попала впервые, хотя могла бы оказаться в подобном положении и раньше. Долгие годы работала преподавателем французского языка, ходила по домам в качестве репетитора. Семьи попадались разные, хозяева тоже. Кое-где меня угощали чаем и даже кормили обедом, иногда чересчур ретивые мамы сидели во время урока в комнате, изредка мне подсовывали дополнительного ребенка, бесплатно сестру или брата того, кто учил французский, порой обманывали с оплатой. Одна дама, густо обвешанная золотом, долго обещала заплатить заработанные мною деньги:

– На следующем уроке отдам сразу за два раза.

Потом за три, четыре, пять... Когда неоплаченных занятий оказалось двадцать, она позвонила и заявила:

– Мы в ваших услугах более не нуждаемся.

Так что я попадала в разные, подчас очень неприятные ситуации, но в воровстве меня не подозревали ни разу. Хотя кое-кто из моих коллег порой оказывался в щекотливом положении. Ленка Сидорова рассказывала, как один раз, придя на урок к семикласснице, увидела у нее на столе дорогое золотое кольцо с бриллиантом. Естественно, Лена, ничего не сказав, провела урок и ушла. Но на следующий день около кольца оказался браслет, потом часы и кулон... Наконец Сидорова не выдержала и поинтересовалась:

– Скажи, пожалуйста, твоя мама всегда так драгоценности разбрасывает?

– А она сейчас в отпуске, – невпопад ответила девочка.

– И что? – не поняла Ленка.

Школьница хихикнула:

– Так ей потом на работу выходить, придется вас со мной наедине оставлять, вот и проверяет, можно училке доверять или нет? Словом, сопрете вы колечко или постесняетесь?

Но меня господь от подобных ситуаций уберег, поэтому сейчас, слушая рассказ Жоры, я даже слегка растерялась.

Вчера из спальни хозяев пропала очень дорогая вещь: золотое пасхальное яйцо работы самого Фаберже. Симпатичная безделушка украшена нехилыми камушками и стоит баснословно дорого.

– Господи, – только и смогла я вымолвить, – откуда оно у них?

Жора вздохнул:

– Родители Рыкова из дворян. Его бабка состояла фрейлиной при последней императрице. По семейному преданию, юная графиня Рыкова прогуливалась мартовским днем по берегу реки в одной из царских резиденций. Возможно, это был пруд. Юрий Анатольевич точно знает только, что невеста как в проруби оказалась любимая кошка Александры Федоровны. Фрейлина смело кинулась спасать животное и при этом чуть сама не утонула. В конце концов киску благополучно выудили, доставили императрице. Поговаривают, что Александра Федоровна была слегка скуповата, особых подарков придворные от нее не имели, но тут, учитывая факт, что графиня Рыкова заболела воспалением легких и чуть не отдала из-за кошки богу душу, императрица расщедрилась. В первый день Пасхи она навестила больную и преподнесла ей яйцо.

Бабка Рыкова, великолепно понимала ценность презента. После революции она отчаянно бедствовала, но ни разу даже не подумала о том, чтобы продать эту «царскую милость». Ее родственники, коим яйцо досталось по наследству, также тщательно берегли сувенир. И вот теперь он пропал.

– Но почему решили, что это я?

Жора развел руками.

– Говорят, больше ни на кого нельзя подумать.

– Отчего?

– Ну, баба эта, Роза, старинная подруга Рыкова, сто лет в дом ходит. Владимир Сергеевич – директор крупного НИИ, Леонид Георгиевич его заместитель, а Яков у него в помощниках. Вроде бы гребут лапой миллионы, и им без надобности что-либо переть, даже яйца Фаберже.

– Но я тоже не бедствую!

Колесов вздохнул:

– Оно так, но за все время званого вечера из гостиной на полчаса удалялась только ты.

– Ходила в туалет!

– На тридцать минут? Тебя что, понос разобрал?

– Нет.

– Чего тогда просидела столько в сортире?

– Не хотелось в гостиную возвращаться, вот и нюхала содержимое всяческих баночек у хозяйки в ванной. Помазала кремом руки, ой!

– Что случилось?

Я в недоумении пробормотала:

– У этой Сабины отечественная косметика фирмы «Маркус» разложена в такие невыразительные баночки из желтой пластмассы, а кое-что и в тюбики советского дизайна. Да вот поди ж ты! У меня на внешней стороне кистей рук появились пигментные пятна. Что только ни пробовала, все бесполезно. Покупала дорогие средства от «Виши» – мази, капли. А тут один разок нанесла, и все. Просто чудо какое-то.

Жорка устался на мою руку и пробормотал:

– Видишь, не все отечественное – кашка.

Потом он замолчал, и в воздухе повисла тишина.

– Хочешь чаю? – решила я нарушить тягостное молчание.

Приятель помотал головой и сообщил:

– Слышь, Дашка, этот Рыков пообещал меня растоптать. Говорит, что разошлет по всем учебным заведениям столицы предупреждение о том, что фирма Колесова состоит из жуликов. Он, правда, сказал, что, если мы ему вернем раритет, то он ничего затевать не станет.

– Как можно отдать то, чего ты не брал?

– Он еще говорит, что согласен принять деньгами.

– И сколько?

– По оценке «Сотбис», яичко тянет на триста тысяч «зеленых».

Я чуть не упала со стула.

– Да он с ума сошел.

– Не знаю, – забормотал Жора и принялся перекладывать лежащие на столике газеты, – не знаю, обещает крупный скандал. – Потом он помолчал и тихонечко осведомился: – Дашутка, мне ты можешь сказать правду. Ты его точно не брала?

Глава 3

Около трех ночи ко мне в спальню ворвалась Маша:

– Муся!

Я села в кровати.

– У нас пожар?

– Нет, Черри рожает.

Пришлось натягивать халат и идти в комнату к Машке. Там уже стояли растерянные Зайка и Аркадий. Пуделиха, тяжело дыша, лежала на диване.

– Вот, – сообщила Маня, – процесс пошел.

– Как ты определила, что роды начались? Ей, по-моему, просто жарко.

Маруся показала градусник.

– Видишь? Всего 37 градусов.

– Ну и что, подумаешь, чуть повышена.

Девочка засмеялась:

– Наоборот, понижена. У собак, как правило, 38 градусов, а если падает на целый градус, то верный признак, что началась родовая деятельность.

– Может, ветеринара вызвать? Дениску, к примеру, – предложила Ольга.

Машка махнула рукой, показывая на письменный стол, где на белой простынке лежали ножницы, нитки и какой-то инструментарий.

– Сама справлюсь.

– А ты сумеешь? – засомневалась Зайка.

– Я принимала роды даже у обезьяны, – гордо заявила Манюня, – про собак все знаю. Нужно разрезать пузырь, вытащить щенка, отсосать слизь из рта и носа...

– Избавь меня от подробностей, – побелел Кеша, который приходит в ужас от поцарапанного пальца.

Машка фыркнула:

– Поверь, это не намного сложнее, чем поменять колесо у твоего джипа.

– Ну-ну, – недоверчиво пробормотала Зайка.

В шесть утра стало понятно, что Черри совсем плохо. Пуделиха лежала, вывалив из пасти сухой язык. Бока ее тяжело вздымались, и она ни на что не реагировала. Не хотела пить воду, пробовать обожаемую сгущенку и прикасаться к шоколадке.

– Я бы позвала Дениса, – вздохнула Зайка.

Маня ничего не сказала, но спустя полчаса вдруг хлопнула дверь, и влетел растрепанный Денька. Он младший сын моей лучшей подруги Оксаны. С самого детства Дениска обожал животных и буквально с трех лет всем сообщал:

– Хочу быть ветеринаром.

Оксанка, хирург по профессии, пыталась надавить на сына. Как все врачи, она считала профессию ветеринара чем-то несерьезным. Вроде бы доктор, но ненастоящий.

– Иди в медицинский, – упрашивала она сына.

Но Денисч стоял насмерть:

– Только в ветеринары.

В конце концов Александр Михайлович не выдержал и заявил:

– Слышь, Оксанка, отцепись от парня. Похоже, он лучше тебя знает, кем хочет стать.

– Хочу дать ребенку такую профессию, – завела подруга, – чтобы твердо стоял на ногах. Мужчине важно иметь стабильный заработок.

Дегтярев хмыкнул и на следующий день принес Оксанке вырезку из журнала.

– «Каждый второй москвич имеет в семье домашнее животное», – прочитала подруга. – Ну и что?

– А то, – сообщил полковник, – что Дениске хватит работы.

Надо отдать должное Оксане, она умеет давать задний ход. Денисич поступил в Ветеринарную академию, и к третьему курсу стало понятно, что он «Айболит» милостию божьей. Диагноз Денька ставит удивительно, животные его любят, каким-то десятым чувством понимая, что, хоть сей молодой человек и делает в данный момент болезненный укол, после им будет хорошо. И еще, по-моему, он владеет собачьим и кошачьим языком, потому что иногда заявляет изумленным владельцам:

– У вашей кошки болит печень. Она мне только что пожаловалась на дискомфорт в правом боку.

Окинув глазом Черри, Денька мигом заорал:

– Едем в клинику.

– Почему? – засуетились домашние.

– Надо срочно сделать кесарево, сама не родит.

– Точно знаешь? – решил подстраховаться Кеша.

– Абсолютно, – отрезал Дениска, – два щенка идут одновременно, они перекрыли друг другу выход на свет божий.

Поднялась суматоха. Начали складывать вещи в сумку: простыни, электрогрелку, теплое одеяльце для щенков...

К десяти утра мы получили от хирургов пять щеночков размером чуть больше зажигалки. Я со злорадством отметила, что двое из них – вылитый Гектор: белые, а остальные угольно-черные, совсем как мать.

Домой мы явились к одиннадцати. Черри с выбритым животом выглядела ужасно. Она храпела на диване.

– Отличный шов, – сообщил Денька.

Я взглянула на жуткое нечто, делившее пузо собачки пополам, и вздрогнула. Если это отлично, то как выглядит плохой шов?

Сначала Дениска и Маруська пытались подсунуть щенков матери, но та никак не реагировала на детей.

– От наркоза еще не отошла, – пояснила Маня.

Впрочем, щенята тоже не хотели сосать. Они разевали маленькие пасти и слабо пищали.

– Надо их кормить, – сказал Дениска, – иначе умрут от голода.

Поднялась жуткая суматоха. Аркадий понесся в магазин «Марквет» за детским питанием для щенят. Назад он прилетел с огромной банкой, на которой был нарисован толстый щенок с крошечными бутылочками и пипетками. Мы развели смесь и приступили к кормлению. Маня, Зайка, Аркашка и Дениска довольно ловко закапали своим подопечным в пасть молоко, мне же достался совсем крохотный черный мальчик, очевидно последыш. Жалкий и какой-то полуживой. Глотать пищу он не хотел, капли молока выливались у него из пасти. Кое-как это несчастье проглотило грамм еды и мигом заснуло.

Мы положили щенков на грелку.

– И долго нам их так кормить? – спросил Кеша.

– Пока у Черри не проснется материнский инстинкт, кормить нужно каждые полтора часа, – хором ответили Маня и Денис.

– А если он у нее вообще не проклюнется, инстинкт этот? – осторожно поинтересовалась я. – Тогда как?

– Быть тебе кормящей сукой, – успокоил меня сын.

– Почему именно мне предназначена эта роль? – попробовала я возмутиться, но домашние мигом дали мне отпор:

– Потому что все остальные учатся или работают.

Одним словом, они бросили меня около пластмассового короба, в котором слабо попискивали пять комочков, и унеслись. До самого вечера я, не зная отдыха, кормила кутят. Процесс казался бесконечным. Когда пятый заканчивал завтракать, наступала пора полдничать первому, и так по кругу. Черри не реагировала ни на что. Пару раз только приоткрыла глаза и обвела затуманенным взором гостиную.

Прошло два дня. Ситуация в нашем доме не сильно изменилась. Пуделиха никак не могла оклематься, щенки, правда, начали довольно активно сосать из бутылочек. Я сидела около них неотлучно, удивляясь, отчего это в ящике чисто.

Приехавший Дениска пояснил:

– У них желудки не работают.

– Почему?

– Собака постоянно облизывает щенков, она делает им языком массаж, и это возбуждает перистальтику, – пояснил студент.

– Делать-то чего?

– Как чего? Облизывать, – ответил наш ветеринар и убежал пить чай.

Я с сомнением покосилась на тихо копошащийся выводок. Облизывать? Честно говоря, не очень хочется, но, похоже, альтернативы нет. Мне жалко несчастных собачат.

Поколебавшись минут пять, я взяла самого хилого черненького мальчишка и, глубоко вздохнув, приступила к облизыванию. Честно говоря, думала, стошнит сразу, ан нет. Ничем противным от щенят не пахло. Целых полчаса я старательно изображала из себя заботливую собачью мамашу, потом, решив вознаградить себя за труды чашечкой чая, отправилась в столовую.

– Тебе кофе? – спросил Дениска, хватая чайник.

– Чай, – с глубоким вздохом ответила я, – весь рот в шерсти.

– Почему? – удивился наш ветеринар.

– Да со щенков шерсть облезает.

– При чем тут твой рот?

– Как это? Ты же велел щенят облизывать, ну для возбуждения перистальтики!

Дениска захохотал и мигом пролил чай на ковер.

– Ой, не могу, ты их языком, да? Своим?

– Нет, – обозлилась я, – чужим!

– Даша, – стонал Денька, – люди берут тряпочку, мочат теплой водой и протирают щенят. Этакая имитация облизывания. А ты... Ой, держите меня, завтра в академии народ просто завянет, когда узнает!

– Надо было нормально объяснить!

– Но я и подумать не мог, что ты так буквально воспримешь мои слова!

Я уже хотела было заорать от возмущения, но тут зазвонил телефон. Незнакомый женский голос прочирикал:

– Дашу позовите.

– Слушаю.

– Ты газету «Улет» читала?

– Нет, – рывкнула я, – подобной дрянью не интересуюсь. Кто говорит?

– Сгоняй к метро и купи сегодняшний номер, – злорадно заявила незнакомка, – там про тебя такое написано, богатенькая ты наша. Усрать можно. Теперь тебя никто в гости не позовет.

Я растерянно посмотрела на телефон. Про меня? В газете «Улет»? Самое интересное, что хорошо знаю этот бульварный листок, и он мне совершенно не нравится. Его издает один из моих дальних знакомых, Антон Чебуков. Когда-то Антоша работал, как тогда говорили, в

партийной советской печати и писал напыщенные заметки о преимуществе социалистического строя над загнивающим капиталистическим. Он дружил с моим последним мужем Генкой, и одно время мы тесно общались. Затем отношения прервались. Гена уехал в Америку, а Антон пропал. Но пару лет назад я столкнулась с ним на вечере, который устраивал в честь своего пятидесятилетия наш сосед банкир Сыромятников. Мы мило побеседовали на отвлеченные темы, потом я подошла к жене Ивана Александровича Карине и поинтересовалась:

– Откуда знаешь Чебукова?

Кара вздернула брови.

– Жуткая дрянь, но с ним нужно дружить, иначе напакостит по полной программе. – И, видя мое глубочайшее удивление, добавила: – Антон – владелец газеты «Улет».

Я тогда не поленилась доехать до метро и купить газету. Поверьте, держала ее в руках впервые. Просто сточная канава, а не издание, на ее фоне даже «Экспресс-газета» и «Мегаполис» выглядят суперреспектабельными. Каких только гадких сплетен не было на ее страницах. Я бросила мерзкую газетенку и понеслась мыть руки. Вот уж не ожидала подобного от Антона, он казался мне интеллигентным человеком. Но я не являюсь лакомой добычей для «Улета»: человек я самый обыкновенный, на светских тусовках почти не бываю, для сплетников никакого интереса не представляю. Живу себе тихо-спокойно, воспитываю внуков. Впрочем, сейчас Анька и Ванька живут в Киеве у Зайкиной мамы. Марина обожает близнецов, она – идеальная бабушка, не то что я.

Вновь зазвонил телефон, на этот раз на том конце провода нервничал Жора:

– Ты «Улет» сегодня покупала?

– Нет, я его никогда не читаю.

– И правильно, – ответил Колесов, – имей в виду, никто не поверит.

– Чему?

Но Жорик уже отсоединился.

– Можешь покараулить щенков? – попросила я Дениску. – На пять минут отъехать надо.

У метро я схватила «Улет» и ахнула. Первую полосу украшала моя фотография, над ней красовалась шапка: «Одна из богатейших женщин столицы промышляет воровством в домах знакомых». Я юркнула в «Пежо» и принялась читать статью.

«Наша милая Даша Васильева, появляющаяся со скучной миной на лице лишь на избранных тусовках, эта безупречно одетая и обвешанная нехилыми камушками дама, эта тетка, чей банковский счет неприлично велик... Держитесь за стену, господа! Впрочем, лучше сядьте, поскольку я сообщу вам такое, что можно упасть: мадам, претендующая на пушистость, оказалась самой обычной воровкой, обворовавшей Юрочку Рыкова...»

Далее излагалась история с яйцом «работы самого Фаберже». Несколько минут я тупо сидела за рулем, переваривая информацию. Мне показалось, что кто-то выплеснул мне на голову ведро помоев, и я, забыв про то, что оставила Дениску со щенками всего на пять минут, рванула по адресу, указанному на последней странице мерзкой газетенки.

Глава 4

Очевидно, торговля гадостями – выгодное занятие, потому что «Улет» помещался в новехоньком здании. У входа сидел охранник.

– Вы к кому? – весьма вежливо, но строго спросил он.

– К Чебукову.

Узнав мою фамилию, секьюрити принялся терзать телефон, потом сказал:

– Второй этаж, в конце коридора.

Вне себя от злости я, проигнорировав лифт, понеслась по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, распахнула вызывающе шикарную отлакированную дверь и буквально уткнулась в грудь широко улыбающегося Антона.

– О, Дашута, чему обязан?

– Еще спрашиваешь, – прошипела я и швырнула ему на стол газету. – Твоих рук дело?

Чебуков хмыкнул:

– Фотка не нравится? Извини, другой не нашли, ты редко ходишь на такие мероприятия, где бродят мои корреспонденты с аппаратурой.

– Фотография хорошая.

– Тогда чего?

– Статья омерзительная.

– Ну? Неужели?

– Хватит из себя идиота корчить! – рявкнула я. – Кто тебе рассказал чушь про это яйцо?

Антон ткнул пальцем в газетную полосу:

– Это имеешь в виду?

– Да.

– Я тут ни при чем. Вот, смотри, подпись – «госпожа Резвая», к автору и претензии. Можешь подать в суд, у нас в месяц по пять-шесть процессов бывает.

– И тебе нравится таскаться по судам?

Антон с жалостью посмотрел на меня:

– Весь мир изменился, а ты все та же. На судебное разбирательство ходят адвокаты.

Кстати, имей в виду: мы почти всегда выигрываем и потом пишем об этих заседаниях. Вот так.

– Как найти эту госпожу Резвую?

– Если в редакции, то сидит на третьем этаже, сорок вторая комната.

– И что, в твоей газетенке можно напечатать все, что угодно.

Антон поднял руки вверх.

– Ну, ну, спокойно! Мы интеллигентные люди, давай без мордобоя. Кстати, если сейчас начнешь бить окна и ломать мебель, мигом прибегут из информационного отдела. Драка – хороший повод для новой статьи. Прикинь, тебе такое надо?

Я пошла к выходу.

– Дашута, – окликнул Чебуков, – не злись. На самом деле ничего не знал. Я – владелец издания, занимаюсь только коммерческими вопросами, а полосы находятся в ведении редакторов. Это они решают, какой материал помещать.

Ничего не ответив, я побежала на третий этаж, отыскала нужное помещение, рванула дверь и обнаружила внутри прехорошенького рыженького мальчика с по-детски пухлыми щеками.

– Где госпожа Резвая? – рявкнула я.

Парнишка от испуга дернулся, и компьютерная мышка свалилась со стола.

– Где она? – не унималась я.

Подросток подхватил болтающуюся на шнуре мышку и тоненьким голоском пропищал:

– Слушаю.

– Ты мне не нужен, где госпожа Резвая?

– Это я, только меня на самом деле зовут Петя.

От неожиданности я села на стул и глупо переспросила:

– Ты?

Мальчонка кивнул.

– Но почему подписываешься женским именем?

– У меня много псевдонимов, – пустился в объяснения гадкий ребенок. – Колочий, Сплетник, Госпожа Резвая, Любитель свиной.

– Твоя работа?

– Ну, в общем...

– Да или нет?

– Это как посмотреть...

– Прямо на страницу погляди! – заорала я. – Как ты посмел меня на весь свет опозорить? Дал непроверенную информацию. Мало ли кто чего наболтает!

– Да вы не расстраивайтесь, – затарахтел юноша, – это же слава, скандальная, правда, но слава. Знаете, сколько всякие звезды шоу-бизнеса платят, чтобы их хоть упомянули? А про вас бесплатно...

– Издеваешься, да? – прошипела я и схватила стоящую на столе пластиковую бутылку с пепси.

– Эй, эй, – отшатнулся Петя, – осторожней. Я ни при чем вовсе.

– Да ну? Кто же тогда все написал под твоим псевдонимом?

– Антон Григорьевич в кабинет вызвал, дал фото, сообщил информацию и велел действовать. А мне чего? Главный приказал, я и выполнил. Еще торопил. Утром задание озвучил, а в обед уже статью получить хотел.

– Тебе велел написать обо мне Чебуков?

– Ага, – сообщил Петя, – и фотку вручил.

Я понеслась на второй этаж с твердым желанием разорвать мерзавца на куски, но дверь его кабинета оказалась запертой, на косяке покачивалась записка: «Зная милую привычку сотрудников обсуждать поведение начальства, сообщаю всем: уехал на блядки, на...сь и вернусь. Ваш главный».

Дрожа от негодования, я села в «Пежо». Ну не сволочь ли! Сколько раз я кормила его по вечерам ужином. Антон частенько брал у нас с Генкой деньги в долг. Суммы, правда, были небольшие, но он их всегда забывал вернуть. А когда Нинка Вишнякова, его бывшая жена, выперла мужика на улицу в одних подштанниках, куда он пришел? Правильно, к нам. Жил в большой комнате на раскладушке, пока не познакомился с Наташкой Луниной, у которой имелась собственная жилплощадь. Да Антон меня знает как облупленную. Конечно, я способна совершить неподобающий поступок. Один раз, когда Генка явился домой пьяный в лоскуты, да еще с парочкой нетрезвых приятелей, я окатила мужиков грязной водой из ведра. Им не повезло, в момент их появления я мыла полы. Но украть! Да мне такое никогда даже в голову не приходило!

Тут я вспомнила про щенков и Дениску. Парень, должно быть, весь там извелся, ожидая меня.

Наш дом стоит за коттеджем Сыромятниковых. Я обогнула небольшой палисадник, где Карина разводит розы, и внезапно мне в голову пришла очень полезная мысль: интересное дело, почему я должна одна выкармливать из бутылочки пятерых кутят? Их отец явно Гектор, вот пусть Кара и забирает себе двух беленьких, все мне легче будет.

Обрадованная столь легким решением сложной проблемы, я позвонила в дверь Сыромятниковых. Она миглом распахнулась. На пороге стояла их дочь Леля, подруга Машки. Девочки – одноклассницы, они ходят в один класс. Лелечка приветливая, спокойная и очень милая, но сегодня, увидев меня, она неожиданно покраснела и пробормотала:

– Здравсти.

– Мама дома? – спросила я, входя в хорошо знакомый холл, заставленный кадками с растениями.

Карина увлекается цветоводством. В доме Сыромятниковых на каждом метре пространства красуются емкости с экзотическими растениями.

– Ее нет, – произнесла Леля, став пунцовой.

Я удивилась:

– Куда же она подевалась? Обычно дома сидит.

Лелина лицо приобрело оттенок кетчупа «Чумак», который очень любит Маруся.

– Это, ну, в общем... В бридж играть пошла, к Локтевым.

Локтевы тоже наши соседи. Их коттедж стоит слева от дома Сыромятниковых. Я пришла в полное изумление:

– К Локтевым? Но ведь они еще на прошлой недели заперли дом и отправились в Лондон.

У бедной Лели на глазах выступили слезы, и она в полном отчаянии воскликнула:

– Ну не помню, куда мама пошла, нет ее!

В полном недоумении я вышла на крыльцо. Очень странно. Нас с Сыромятниковыми связывают скорее дружеские, а не просто соседские отношения. Несколько лет мы запросто общаемся, забегаем друг к другу в халатах...

Внезапно из-за закрытой двери донесся высокий голосок Лели:

– Я больше не буду ей врать, тетя Даша хорошая.

– Ты же видела газету, – ответила Карина, – мадам Васильева – воровка, обокрала приятелей, таких людей в дом не пускают!

– Это ошибка!

– В газете всегда помещают проверенные сведения, – с уверенностью человека, выросшего в стране социализма, заявила Карина.

– Она не могла украсть, да и зачем? – пыталась оправдать меня Леля. – У них денег больше, чем у нас!

– Дурочка, – ласково ответила Карина, – она же не двадцать рублей сперла. Яйцо, сделанное самим Фаберже! Прикинь, сколько оно стоит. И потом, как у людей обстоят дела в действительности, никогда не узнать. Наш папа в прошлом году чуть не разорился, но об этом никто не догадывался. Мы на «мерсе» ездили и в шубах щеголяли...

Не слушая, что ответила Леля, я побрела по дорожке, соединяющей наши участки. Да, дело плохо. Если уж Карина поверила, то у тех, кто знаком со мной не так близко, и сомнений, должно быть, не осталось. Небось все соседи перестанут со мной здороваться. И что делать? Ума не приложу. Внезапно мне в голову пришла гениальная мысль. Я вытащила мобильный и, поживаясь от совсем не по-апрельски прохладного ветерка, набрала номер Колесова.

– Жора? Сделай доброе дело. Звякни этому Рыкову и посоветуй подать заявление в милицию о краже. Пусть в происшествии разберутся компетентные органы.

– Я ему предлагал, – вздохнул Жорка.

– И что?

– Не хочет. Говорит, его родственники – до десятого колена аристократы – никогда никаких дел с полицией не имели и ему завещали поступать так же.

– Какая глупость!

– Точно, – подхватил Жорка, – только он уверен, что воровка – ты.

Я стала набирать другой номер.

- «Улет» на проводе.
- Чебукова позовите.
- Кто просит?
- Майя Плисецкая.
- О, как я рад, – донеслось через секунду из мембраны, – как счастлив, несравненная...
- Можешь не разливаться соловьем, это Даша Васильева.

Антон поскущел:

- Ну и чего надо?
  - Если принесу тебе неопровержимые доказательства того, что яйцо украла не я, а кто-то другой, ты дашь опровержение?
  - Обязательно тисну статью с опровержением.
  - Обещаешь?
  - Слово джентльмена.
  - Ну в твоих устах это не гарантия.
  - Хорошо, в честь нашей дружбы.
- Я хмыкнула: мог бы и раньше об этом вспомнить.
- Только имей в виду, – завел Антон.
  - Что еще?

Чебуков помолчал, а потом внезапно спросил голосом нормального человека, того, кто просиживал в былые времена табуретку у меня на кухне:

- Слышь, Дашка, ты вправду его не брала? Сделай милость, скажи честно!
- Скоро приволоку к тебе за шиворот того, кто совершил кражу, – пообещала я и побежала домой.

Надо вновь становиться собачьей нянькой. Эту ночь я спала совершенно спокойно. Наша домработница сжалилась надо мной и сказала:

- Давайте я повожусь со щенятами.

Правда, Маруся предлагала мне это еще раньше, но я не хотела, чтобы девочка шла на занятия, абсолютно не выспавшись.

Накинув халат, я сползла вниз, открыла дверь столовой, и на меня с ужасающим рычанием бросился черный лохматый комок. Я выскочила в коридор и налетела на Ирку.

– Испугались, да? – спросила домработница. – Сама прибалдела чуток, когда она сегодня зубами защелкала.

- Там кто?
- Черри.
- Черри?!
- Ага, – кивнула Ирка, – у нее материнские чувства проснулись.

Я безмерно обрадовалась:

– Боже, какая радость! Теперь не надо кормить щенят из бутылочки и протирать их тряпочкой. Я так счастлива, будто из дома вывели козу.

- Козу? – не поняла Ирка.

– Ну да, – ликовала я, – анекдот такой есть. Один человек пожаловался священнику: «Так трудно, святой отец, – в крохотной комнатенке живем всемером. Сил моих нет». – «А ты посели к себе козу», – предложил умный батюшка. Прихожанин послушался. Когда он через неделю вновь пришел в церковь, священник поинтересовался: «Как тебе теперь живется, сын мой?» – «Невыносимо, – ответил тот, – семеро в крохотной комнатенке, и еще коза! От нее ужасная вонь, к тому же она все время блеет... Наверное, не выдержу и умру». – «Тогда выведи козу», – спокойно велел священник. На следующее утро мирянин примчался к батюшке и упал на колени: «Спасибо, спасибо, мы просто счастливы, нас в этой комнате ВСЕГО семь человек и никакой козы».

Вот так и у нас получается. Черри начнет сама заботиться о щенятах, просто гора с плеч...

– Что-то я никак не соображу, при чем тут коза, – вздохнула Ирка, – да и радоваться рано. Эта придурочная пуделиха не собирается их ни кормить, ни вылизывать...

– Ты же сообщила, будто у нее проснулись материнские чувства!

– Ага, исключительно по охране потомства, – хмыкнула Ирка. – Щелкает зубами и никого к ним не подпускает.

Я проникла в столовую. Черри сидела у короба, ее глаза горели злобой. Я слегка растерялась. Вообще-то наша пуделиха – милейшее создание, не способное укунить даже того, кто начнет тыкать ее палкой, и вот за одну ночь она превратилась в беснующуюся фурию. Увидев меня, собачка вздернула верхнюю губу и серьезно произнесла:

– Р-р-р.

– Послушай, – осторожно сказала я, показывая бутылочку с молоком, – они есть хотят.

Черри подняла шерсть дыбом.

– Р-р-р.

– Твои дети умрут с голода!

– Р-р-р.

– Даже мне нельзя? Тогда корми их сама!

Словно поняв мои слова, пуделиха опрометью кинулась в короб и легла на бок. Мигом послышалось дружное чавканье. Я перекрестилась и пошла к себе. Хорошо бы все мои проблемы решались столь же легко.

Подумав минут десять, я отыскала визитку Рыкова, набрала указанный там номер и, зажав пальцами нос, попросила:

– Можно Сабину.

– Я у телефона, – прошептала госпожа Рыкова.

– Вас беспокоят из «Экспресс-газеты».

– Здорово, – оживилась Сабина, – обожаю «Экспресску», отлично пишете.

– Нам очень приятно, что такая известная светская дама читает наше скромное издание, – кривлялась я. – До редакции дошли слухи, будто у вас в доме случилась неприятность?

– Да, обокрали.

– Хотели дать материал на эту тему. Вот только небольшая задержка вышла.

– В чем?

– Не знаем имен остальных гостей, и, если можно, их телефончики.

– Пожалуйста, – радостно попала на крючок дурочка, – пишите, никакого секрета тут нет. Роза Андреевна Шилова. Она – врач, косметолог. Кстати, великолепный. Если надо морду пошlifовать, только к ней.

– Спасибо, пока еще не нуждаюсь, – прогундосила я, записывая координаты дамы.

– Потом Владимир Сергеевич Плешков и Леонид Георгиевич Рамин. Они владеют торговой фирмой, только не спрашивайте какой. У них узнавайте, я не в курсе. С ними пришел некто Яков. Но про этого мужчину ничего сообщить не могу, знаю только, что они все вместе работают.

– Вы не знаете тех, кого зовете к себе в дом?

– Муж приглашал, они ему по каким-то делам понадобились. Словом, нужники, – пояснила глуповатая Сабина. – Еще позвал этого Колесова, ну а он прибыл с воровкой. Сразу, сразу поняла, что она еще та штучка.

– Почему?

– Прикиньте, – взвизгнула Сабина, – явилась в скромном платьице, колечко с сережками копеечные, макияж простецкий, и села в углу. За весь вечер, как мы ни старались ее разговаривать, рта не раскрыла. Молчала, словно говна в рот набрала, и только по сторонам поросычкими глазками зырила.

– Почему пороссячьими? – обиделась я.

– Они у нее такие маленькие, противные, – пояснила Сабина, – прямо отвратительные. А потом взяла и ушла из гостиной на целых два часа! Бродила, бродила по нашей квартире, в ванной все мои кремы попробовала, пальцами своими грязными лазила, крышечки не закрывала. А потом, сами знаете, яйцо работы Фаберже утянула. Ну не мразь?!

– Неужели такая ценность не лежала в сейфе?

Сабина вздохнула:

– Нет, муж любил перед сном на него любоваться. У него в спальне на столике под стеклянным колпаком стояло.

– И вы не заперли комнату перед приходом гостей, среди которых были незнакомые вам люди?

Сабина фыркнула:

– У нас в доме бывают только приличные люди, я за Юрой три года замужем, и за все это время лишь одна мерзавка и пришла – эта Даша Васильева. Она, к слову сказать, случайно к нам попала, в качестве дамы Колесова.

Я повесила трубку и внимательно посмотрела на себя в зеркало. «Пороссячьи глазки, маленькие и противные, прямо отвратительные...» Вот уж неправда! Конечно, господь не наградил меня очами лемура, такими огромными блюдцами, но имею вполне нормальные органы зрения, и совершенно не похожа на детеныша свиньи!

Затем взгляд мой переместился на листок бумаги, где были записаны рядком имена и номера телефонов. Ну, господа из хорошего общества, кто из вас ухитрился сунуть в карман раритет? Делать нечего, придется самой искать вора. Берегись, нечестный жулик, ей-богу, ты не знал, с кем связался!

Глава 5

Мне свойственно совершать спонтанные поступки. Иногда действую, не подумав, просто кидаюсь как в омут головой, но на этот раз, прежде чем начать действовать, я решила как следует пораскинуть мозгами.

Сначала набрала рабочий телефон Александра Михайловича и с глубоким изумлением услышала:

- Дегтярев.
- Ты на месте?
- Звонишь в надежде не застать? – парировал полковник.
- Нет, конечно.
- Тогда чего удивляешься?

Нет, к старости он определенно становится занудой, но я ему не скажу этого вслух, потому что не в моих интересах злить сегодня толстяка.

- Представь, что я обокрала Женьку, ну эксперта.
- Ты?!

– Просто представь такую ситуацию. Явилась к Женюрке в гости и сперла у него бриллиантовое ожерелье.

– С ума можно сойти! – заорал Дегтярев. – Да откуда оно у него? Знаешь, сколько Женька получает?

Тяжелый вздох вырвался из моей груди. А еще занимается такой ответственной работой! Никакого воображения.

- Скажи по-человечески, чего тебе надо? – злился Дегтярев.
- Я пытаюсь, а ты не даешь.
- Коротко и четко, – рявкнул полковник, – излагай суть!

– Одну мою подругу, Ксению Малову, обвинили в воровстве. Якобы она была в гостях и утонула ценную безделушку. Хозяин начал требовать ее у Ксюхи, а та предложила ему обратиться в милицию.

- И что? – устало спросил Александр Михайлович. – Чего ты от меня-то хочешь?
- Так этот хозяин не желает писать заявление.
- Его право, как поступать в такой ситуации.

– Но он во всех гостиных обвиняет Ксюху в воровстве! Скажи, она может обратиться в органы с просьбой расследовать кражу?

- Нет.
- Почему?
- Не ее обокрали.
- Но ее обвиняют, клеветают!

– Пусть подает в суд иск о защите чести и достоинства. Или, если мужик начнет применять против нее физическую силу, пусть обратится в районное отделение с заявлением на хулиганские действия.

- Значит, она не может просить об открытии дела?
- Нет, – обозлился Дегтярев, – извини, если у тебя все, давай заканчивать. Мне некогда.

Я отсоединилась. Слабая надежда, что кто-то начнет вместо меня выполнять работу, развеялась как дым. Что ж, придется самой...

Следующий час я сидела у стола и рисовала на бумаге загогулины. Ясное дело, яйцо спер кто-то из гостей. Было нас не так уж много. Ну-ка, вспоминай, Дашутка, кто выходил из комнаты?

Я начала прокручивать в голове события того вечера. Сначала все сидели за столом, потом подали кофе, но не в столовой, где мы ужинали, а в соседней комнате, в гостиной. Мужчины взяли сигары, Сабина включила музыку и потащила Якова танцевать. Жорка о чем-то оживленно беседовал с Леонидом Георгиевичем, Владимир Сергеевич и Рыков смотрели какую-то книгу, я тосковала в одиночестве на диване. Роза Андреевна... А вот милейшая Розочка выскользнула за дверь. Правда, она вернулась очень быстро, со свеженакрашенным лицом. Очевидно, что дамочка просто-напросто ходила поправлять макияж, но она все же покидала гостиную. Впрочем, остальные тоже на протяжении вечера удалялись. Сначала Яков похлопал себя по карманам и заявил:

– Черт, сигареты в машине забыл.

– Возьми в коробке на столике, – мигом предложила Сабина.

– Нет, – ответил мужчина, бросив мимолетный взгляд на сигаретницу, – могу курить только «Мальборо Лайт».

Бросив эту фразу, он вышел и вернулся с бело-золотой пачкой.

Потом во дворе истомно завывала сигнализация какого-то автомобиля, и Леонид Георгиевич, услышав этот вой, подскочил:

– Кажется, мой «Вольво» крадут.

А Владимир Сергеевич уронил себе на колено кусок шоколадного торта и пошел закрывать брюки.

Получается, что из гостиной не выходили лишь Жорка и хозяева. Хозяева вне подозрений, а Колесов не имел возможности что-либо спереть, так как он неотступно ходил за Рыковым в надежде начать разговор о поставке компьютеров. Значит, под подозрением четверо, и моя задача узнать об этих людях как можно больше.

Я уставилась в окно. Кто вор? Возможно, кто-то из них оказался в тяжелом финансовом положении и рассчитывает тайком продать раритет и поправить свои дела. Или среди гостей был ненормальный коллекционер? В большинстве случаев люди, собирающие старинные безделушки, странные особи. В свое время, когда мы еще жили в Медведкове, в одной из квартир нашего дома обитал старик. Завидя фигуру, замотанную во все времена года в тяжелое пальто из буклированной ткани, мы шарахались в сторону. Честно говоря, от деда ужасно пахло. Сначала я считала его алкоголиком, пропившим разум, но потом узнала удивительную вещь. Оказывается, наш нищий на самом деле был доктором наук и страстным собирателем редкостей. Все средства коллекционер тратил на раритеты. Чтобы приобрести нечто, о чем он давно мечтал, чудаки обменяли свою четырехкомнатную квартиру на Арбате на крошечную халупу в Медведкове. А воню от дедули несло потому, что он регулярно ездил на городскую свалку и рылся там в отбросах, надеясь найти что-нибудь необычайное, случайно оказавшееся в мусорном ведре. Если у человека имеется дикая страсть к собирательству и он увидит вожделенный, но недоступный объект... Ладно, пора за дело. Начнем с милейшей Розы Шиловой.

Я схватила мобильник и начала названивать своей ближайшей подруге Оксане.

– Да, – ответила она, запыхавшись.

– Откуда я тебя вытащила?

– В комнате у Дениски вставляют новую оконную раму. Случилось чего?

– У тебя есть знакомые в косметологической клинике на Семипрудной улице?

– Сейчас, погоди, – ответила подруга и зашелестела страничками телефонной книги.

Я ждала. Оксана знает несметное количество народа, в основном медиков. С кем-то она училась, кто-то посылает ей больных на консультацию.

– Нашла, – обрадовалась Ксюта, – там Ленка Ромашкина работает, но она стоматолог, прикус исправляет и все-такое. А тебе зачем?

Я на секунду заколебалась. Оксане можно сказать правду, подруга никогда меня не выдаст и ни за что не расскажет о случившемся ни моим детям, ни Дегтяреву. Я не хочу,

чтобы они знали о моей проблеме. Помощи от них ждать нечего. Александр Михайлович, естественно, не станет открывать никакого уголовного дела, а Зайка и Аркадий начнут завывать на разные лады:

– Вот, так и знали: стоит из дома отпустить, и она мигом попадет в какую-нибудь неприятность.

Но у Оксаны слабое сердце, она разнервничается, схватится за таблетки. Нет уж, лучше совру.

– Да тут приехала к нам тетка...

– У тебя опять гости, – вздохнула Оксана. – Надолго?

– На пару дней всего, проездом из Питера, подруга Аньки Малышевой. Она хочет проконсультироваться в этой клинике, но предварительно желает провести разведку, узнать, кто там из докторов получше.

– А зачем туда? – оживилась Ксюха. – Давай дам телефончик чудного дядьки...

– Ее заклинило именно на этой больнице, не стану же я спорить с полузнакомой дамой.

– Ну ладно, – сдалась всегда желающая всем сделать хорошо Оксанка, – пиши: Лена Ромашкина. Дам тебе домашний и рабочий. Пусть твоя протезе возьмет коробку конфет, двести рублей и топают к Ленке. Назовет мою фамилию, и Ромашкина ее как родную примет. Да, вот еще, предупреди эту бабу, что коньяк нести нельзя, только шоколадный набор, желательно без алкогольной начинки.

– Почему?

– Ленка очень выпить любит, – вздохнула Ксюта, – хватит рюмку-другую, и все, съехала с катушек. Так что уж лучше шоколадки. Ну пока!

Я полетела в гостиную и открыла бар. Где они? Ага, вот, замечательный ликер «Барокко». В Россию этот напиток практически не поступает из-за его дороговизны: цена поллитровой бутылки едва не дотягивает до стоимости нашего «Жигуля». В Москве раздобыть «Барокко» можно только в магазине «Музей вина». Да и то там одна разновидность – миндальный, а у нас в баре их набралось более десяти, причем самых разных. Дело в том, что производитель «Барокко» Жан Делижанс мой хороший знакомый. Кроме «Барокко», Жан производит вполне приличное красное сухое вино, которое можно найти на полках дорогих супермаркетов. Жан частенько навещает Москву. Останавливается у нас в Ложкине и всегда привозит в подарок «Барокко». Нехорошо, конечно, идти в гости к пьянчужке с бутылкой, но, выпив, она станет разговорчивой, может быть, даже болтливой.

Ромашкина, услышав, что ее телефон мне дала Оксана, мигом стала любезной:

– Слушаю, чем могу быть полезна?

– Видите ли, Леночка, – защебетала я, – разговор не телефонный. Можно подъехать?

Лена вздохнула:

– Только домой, после трех.

– Я вам не помешаю? Лучше на работе.

Ромашкина вновь издала тяжелый вздох:

– Там точно не дадут поговорить клиенты, медсестры. Нет, если дело такое деликатное, то домой. Пишите адрес.

Что ж, она права, в квартире болтать сподручнее, никто не будет мешать и влезать в разговор. Хотя, если у нее дети и муж...

Но Лена жила одна в крохотной, великолепно отделанной квартирке в районе Песчаных улиц. Я вошла в узенький коридорчик и восхищенно цокнула языком. Просто хоть присылай сюда корреспондента из журнала «Ваш дом». Вот ведь что можно сделать из обычной «хрущобы», если вложить в нее силы и средства! Сама когда-то жила в такой же – крохотная кухня, прилегающая к ней семиметровая комната, потом «гостиная» и кукольный санузел. Но Лена сделала перепланировку, и из небольшого коридорчика вы попадали в просторный

«пищеблок», битком забитый всяческими модными прибабасами. Дорогая кухонная мебель, бар, высокие стулья, а каждый сантиметр, нет, даже миллиметр пространства нес функциональную нагрузку. Пол покрывала кафельная плитка, а еду Лена готовила на сверхсложном агрегате. Повсюду мигающие лампочки, какие-то ручки, рычажки и никаких конфорок. Даже непонятно, куда ставить кастрюльки.

Я вынула из пакета «Барокко». В глазах Лены появился блеск, и она удивленно произнесла:

– Такой вижу впервые.

– А вы попробуйте.

– Это нечто, – пробормотала стоматолог, смакуя первый глоток, – и где же берут сей божественный нектар?

– В магазине «Музей вина».

– Завтра же сгоняю туда, – сообщила Лена, допивая рюмку.

Я промолчала. «Надеюсь, дорогая, что, увидав его цену, ты откажешься от мысли купить этот ликер», – подумала я.

– В чем проблема? – повернула ко мне слегка порозовевшее лицо стоматолог.

Я произнесла заранее заготовленный спич. Работаю на телевидении, на одном из кабельных каналов, веду передачу о моде. Выгляжу вполне пристойно, но на хвост садятся молодые да резвые, вот и пришла пора сделать подтяжку. Кое-кто посоветовал обратиться в клинику на Семипрудной. Но идти просто так, наобум, не хочется. Моя молодость прошла при социализме, поэтому я твердо усвоила истину: врача должен порекомендовать кто-то из знакомых.

– Совершенно справедливо, – подтвердила Лена, – а то так натянут! Морду ведь не спрячешь. Ну сделает тебе хирург отвратный шов, удалив аппендицит. Неприятно, конечно, но можно одеждой прикрыть. А лицо все время на виду. Зачем тебе наша клиника? Конечно, не очень хорошо так говорить о месте, где работаешь, но у нас сплошные жопорукские собрались. Беда, а не специалисты. Бородавку могут убрать, массаж хороший сделают. А подтяжку!.. Ступай лучше в Институт красоты. Хочешь, дам телефончик чудесного хирурга?

Я отметила, что Лена, проглотившая уже четверть бутылки «Барокко», перешла со мной на «ты», и сказала:

– Мне советовали некую Розу Андреевну Шилову. Говорят, что она берет бешеные деньги, но люди уходят от нее с обновленными лицами.

Леночка побарабанила пальцами по красивой кружевной скатерти.

– Роза не хирург, но результаты у нее и впрямь сногсшибательные, бабы к ней так и рвутся. Она ухитряется омолодить без операции.

– Как это? – искренно удивилась я.

Леночка пожала плечами:

– Не знаю. Она, естественно, об этом не рассказывает. Но результат налицо. Приходит к ней пятидесятилетняя кошелка. Сама понимаешь, как ни старайся, а полтинник есть полтинник. Скажу тебе откровенно, всякие маски, кремы, массажи – это хорошо. Но не верь, если обещают, что таким образом избавишься от морщин. Неправда. Все процедуры затрагивают только верхний слой, а морщина формируется глубже. Исправить морду может лишь подтяжка. Если будешь за лицом тщательно ухаживать, операция попозже понадобится. Поняла?

– И при чем тут Шилова?

– Странное дело, – протянула Лена, – она крем делает и продает его, естественно. Состав никому не открывает, это ее «ноу-хау». Правда, предупреждает сразу, что помогает он не всем. Но уж если действует! Просто чудеса какие-то. Кожа белеет, пигментные пятна исчезают, «гусиные лапки» разглаживаются. Невероятно, но факт. Я сама у нее баночку купила для пробы. Одну – руки мазать, другую – физиономию. Не поверишь, но кожа на руках как у молодой стала, а на лице только слабый эффект получился. Видела Ирэн Фабер?

– Актрису из театра «Центр»?

– Ну да, сейчас сериал по телику идет «Убить, чтобы выжить», она там главную роль играет.

– Видела, конечно. Еще удивилась, как она похудела и помолодела.

– Это с ней Роза работала.

– Правда?

– Совершенно точно. Мой кабинет рядом с ее находится. Я иногда с разными клиентками сталкиваюсь. Ты не поверишь, какая эта Фабер была год назад. Я, когда впервые ее увидела, аж вздрогнула. На сцене-то они все красавицы, а в жизни... Кожа желтая, синяки под глазами жуткие, опухшая вся, «сеточка» на щеках, да и сама довольно упитанная, если не сказать толстая. Небось в корсет затягивалась на съемках. Стала к Розе ходить, просто преобразилась.

– Дорого, наверное, берет?

Лена кивнула:

– Если только крем покупаешь, то пятьсот баночка.

– Долларов?!

– Уж не рублей. Но она еще предлагает массаж. Наши считают, что именно в нем все дело. Первый курс – двадцать процедур. Кому-то одного хватает, кому-то два, а то и три раза повторять приходится. Но эффект!..

– А массаж сколько стоит?

Лена хмыкнула:

– С этим вопросом к ней, она сама цену назначает в зависимости от состояния кожи.

– Ты сама к ней не ходила?

– Она коллег не берет. Говорит, что нервничать начинает, руки дрожат. Знаешь, многие хирурги не могут оперировать знакомых и родственников.

Я кивнула. Слышала о таком.

– Только думается, что дело не в дрожащих руках, – засмеялась Лена. – Небось опасается, что наши узнают, как она работает, и переймут опыт.

– Роза эта, должно быть, богатая женщина.

– А то, – вздохнула Лена, – у меня отродясь столько денег не будет. Ты бы поглядела на ее машину! Закачаться можно. Я уж не говорю об одежде, драгоценностях, духах. Квартира у мадам на Кутузовском проспекте, дача... Чего только нет. Да и понятно. Она одинокая, ни мужа, ни детей, так что все на себя тратит.

– Значит, в деньгах не нуждается...

– Чтоб ты так всю жизнь нуждалась. Вчера в клинике собирали деньги на подарок. Катька Романцева ребенка родила. Народ у нас обеспеченный и в общем не жадный. Кто триста рублей дал, кто пятьсот.

Лена, обходившая врачей с подписным листом, заглянула и к Шиловой. Та вытащила из кошелька стодолларовую банкноту и спокойно протянула Ромашкиной со словами:

– Извини, дорогая, у меня только валюта, не успела разменять.

Лена машинально глянула на портмоне, увидела в нем тугую пачку «зеленых» купюр и спросила:

– Сколько сдачи дать?

– Ерунда, – отмахнулась Шилова, – все ваши.

Ромашкина не сумела сдержать завистливый вздох. Конечно, она сама хорошо зарабатывает, но вот так небрежно, походя выбросить сто долларов ей слабо.

– Одевается наша Розочка только в бутиках, – самозабвенно попивая ликер, сплетничала хозяйка, – обедать каждый день ездит в «Охотник», ресторан при Центральном доме литераторов, а там чашечка кофе на пятьдесят баксов тянет. Одним словом, похоже, денег ей девать некуда, вот и ломает голову, куда бы их рассовать.

– Я бы на ее месте начала коллекционировать предметы старины.

Лена засмеялась:

– Роза патологически не переносит, как она говорит, «старушечьи штучки». Тут недавно дядька приходил ко мне зубы себе делать, директор антикварного магазина. В благодарность за хорошую работу предложил:

– Хотите, приезжайте ко мне в магазин. За копейки отличные вещи можете купить. Некоторые старики такое сдают, что закачаться можно. Сами не понимают, чем владеют.

Лена любит безделушки, поэтому с удовольствием воспользовалась случаем и приобрела за бесценок несколько изумительных фарфоровых статуэток балерин. Желая похвастаться, она принесла одну на работу и показала в ординаторской. Врачи заахали, заохали. Такая красота! Надо же, сделано из фарфора, а кажется, что на танцовщице настоящие кружева. И тут появилась Шилова.

– Розочка, посмотри, какая прелесть, – кинулась к ней Вера Стеблова, операционная медсестра.

Косметолог сморщила нос:

– Господи, да мне от бабки ящики с таким барихлом достались в наследство. Все выкинула. Как, скажите на милость, из этих дырок грязь выковыривать?

– Но это же настоящая старина, – попыталась объяснить Вера.

Роза Андреевна только хмыкнула:

– Вещи должны быть новыми, чистыми и красивыми. Может, кому и нравится иметь дело с треснувшими тарелками и выцветшими тряпками, но только не мне.

Глава 6

Домой я приехала разочарованная. Похоже, что Роза яйца не брала. Вернее, на девяносто процентов это не Шилова. Дама отлично зарабатывает, родственников не имеет, коллекционированием не увлекается...

Продолжая размышлять на эту тему, я открыла дверь и увидела забившегося в угол мопса Хуча.

– Милый, ты почему прячешься? Натворил чего?

Но всегда приветливый Хучик сидел под стулом, понутив голову.

Не понимая, что случилось с собачкой, я сняла куртку, ботинки, и тут в прихожую, радостно лая, влетел Хуч. Я так и села. У меня глюки? Один Хучик с мрачной мордой забился под стул, другой весело вертится у меня под ногами, пытаюсь облизать хозяйку.

– Как день провела? – поинтересовалась, выглянув из гостиной, Зайка.

– Ольга, – осторожно спросила я, – ты Хуча видишь?

– Да вот же он!

– А там тогда кто?

Зайка засмеялась и вытащила из-под стула еще одного мопса.

– Это Юнона, в обиходе Юня или Нюня. Она откликается на любую кличку.

Я уставилась на слишком толстую собачку:

– Ничего не понимаю.

– Часа два тому назад, – пустилась в объяснения Зайка, – к нам заявила Агата Кроуль.

Помнишь ее?

Еще бы, с Агаткой мы долгие годы проработали бок о бок в одном институте, преподавали иностранные языки. Я – французский, а Агата – немецкий. Она этническая немка. Ее дед и бабка, оба коммунисты, приехали в тридцатые годы в Москву по линии Третьего Интернационала. Была такая международная организация, объединявшая в разных странах тех, кто хотел строить светлое коммунистическое будущее. Супругам Кроуль не удалось ничего построить – в начале сороковых годов они оказались в лагере. Их сына Германа, отца Агаты, почему-то не тронули. Когда грянула перестройка, Герман, еще вполне бойкий мужчина, отыскал в городе Киль родственников и, прихватив Агату, отбыл на историческую родину. Мы с Агаткой переписываемся. Она, когда приезжает в Москву, останавливается у нас.

– Агата в Москве проездом, – вещала Зайка, поглаживая Юню. – У нее были билеты на самолет, который через пару часов улетел в Новосибирск. Она только завезла к нам мопсиху и умчалась.

– Ничего не понимаю, объясни толком.

– О, господи, – обозлилась Ольга, – повторяю еще раз, специально для самых тупых.

Агата летит в Новосибирск.

– Зачем?

– Так в академгородке какой-то семинар по новой методике преподавания.

– Ну?

– Что, ну? Прямого рейса нет, Агата летела с пересадкой в Москве, понятно?

– Это да, но при чем тут мопс?

– Ей было не с кем оставить Юню в Германии, пришлось взять с собой. Но бедной собаке стало так плохо в самолете, что Агата не решилась тащить несчастную в Новосибирск, вот и приволокла к нам.

Теперь ясно. Мопсиху подсунули нам на передержку. Агата правильно рассудила: собачкой больше, собакой меньше, в нашем случае роли не играет.

– Надолго она к нам? – поинтересовалась я, поглаживая дрожащую Юнону.

– На две недели, – ответила Ольга. – Забилась в темный угол и трясется, даже есть не захотела.

Я потрогала плотно набитое пузо мопсика.

– Ничего, вон какая жирненькая, ей не повредит денек-другой на диете посидеть.

– Муся, – завопила, влетая в холл, Маня, – тебя к телефону!

Я взяла трубку. Дребезжащий старческий голосок проговорил:

– Вы Дарья Васильева?

– Да.

– Та самая, что украла яйцо Фаберже у Рыкова?

Не желая продолжать разговор, я нажала на красную кнопку. Ну вот, начинается. Теперь мне станут звонить всякие идиоты. Но телефон затрезвонил вновь. На этот раз трубку схватила Зайка.

– Меня нет, – трагическим шепотом просвистела я.

Ольга кивнула и спросила:

– Вам кого? Ага, сейчас. На! – и сунула мне трубку.

– Просила же не звать! – возмутилась я.

– Кого? Меня? Ничего не слышала, – отрезала Ольга.

Пришлось покориться.

– Простите, Дарья, – задрезжал в трубке старческий голос, – понимаю всю глупость моего звонка, но вы не можете взглянуть на это яйцо?

– Зачем? – обозлилась я.

– Там на самом верху есть узор из зеленых камешков, их всего двенадцать. Так вот, одиннадцать – цвета травы, а один – синий. Это маменька камешек потеряла, а папенька вставил другой, но не угадал, а может, не достал нужного изумруда.

Я быстро поднялась к себе в спальню, захлопнула плотно дверь и сердито спросила:

– Какого черта идиотничаете? Кто дал вам мой телефон?

– В газете «Улет» подсказали.

– Вот оно что, – разозлилась я, – больше не смейте мне звонить!

– Душенька, я очень старая, мне девяносто два года, – пробурчала бабка, – уж извините, коли побеспокоила.

– Хорошо, хорошо, только больше не звоните.

– Ну скажите, сделайте милость...

– Что?

– Вы брали яичко?

– НЕТ!!! – заорала я так, что задрожали стекла. – НЕТ!!!

– Ах, какая жалость, – заплакала старуха, – так надеялась, что оно у вас.

От неожиданности я спросила:

– Почему?

– Ну мы могли бы поменяться. Вы мне – яичко, а я вам... Выбор большой! Картину Репина, например, или серебряный кофейный сервиз... Не хотите?

– Вы коллекционер?

– Нет.

– Зачем вам яйцо?

– Ах, ангел мой, оно было талисманом нашей семьи.

– Вы мать Юрия Анатольевича Рыкова?

– Упаси бог! – вскричала дама. – Он сын Анатолия, который обокрал нас. Долгие годы мы считали яйцо исчезнувшим, естественно...

– Погодите, – перебила я говорившую, – вы кто?

– Амалия Густавовна Корф, – с достоинством представилась дама. – Вообще-то фон Корф, но уже давно приставку мы опускаем. Наш род...

– Постойте, яйцо принадлежало вам?

– Да.

– Но Рыков рассказывал о своей бабке-фрейлине, которая получила его в подарок от императрицы!

Собеседница неожиданно звонко, совсем не по-старушечьи рассмеялась.

– Бог мой, какое вранье! Юра, наверное, думает, что все Корфы уже покойники. Ан нет, я еще жива, скриплю потихоньку и такого рассказать могу. Фрейлина! Да его отец, Анатолий, служил в дворниках, как сейчас помню...

– Амалия Густавовна можно к вам приехать?

– Отчего нет, душенька?

– Но уже поздно.

– Э, милая, бессонница замучила, никакие лекарства мне не помогают, так что приезжайте.

– Говорите адрес.

– Так на одном месте всю жизнь живу.

– Но я-то у вас не бывала.

– И то верно, – опять по-девичьи звонко рассмеялась бабуся, – пишите, сделайте милость.

Поливанов переулок, дом 8, квартира 3. Когда-то весь дом был наш, но случилось горе, революция эта...

– Уже еду.

– Милая, яичко прихватите, мы с вами поменяемся.

Я выскочила в холл и налетела на Зайку, которая несла миску с молоком. Белый фонтанчик взметнулся вверх и осел на блузку Ольги.

– Куда ты так несешься? – разозлилась девушка.

– А ты зачем с миской молока по дому бродишь?

– Хочу Юню покормить. Она сидит под стулом и сопит.

Я направилась к двери.

– Куда на ночь глядя? – проявила бдительность Зайка.

Я растерялась. Правду говорить не хочется, что соврать, не знаю.

– Машину в гараж решила загнать.

Ольга не выказала никакого удивления и, присев на корточки, засюсюкала:

– Юнечка, выползи, на. Это вкусно, пей!

Поливанов переулок прячется в районе Старого Арбата. Остались еще там дома, возведенные в XIX веке. Амалия Густавовна и жила в одном из таких строений. Подъезд поража́л великолепием. Я ожидала увидеть обшарпанные стены и скопище табличек с фамилиями жильцов, но коммуналки, очевидно, расселили, и в квартиры въехали богатые люди, потому что холл потрясал. Пол был выложен нежно-зеленой плиткой, с ним гармонировал сочно-зеленый цвет стен. На мраморных ступенях широкой, отмытой добела лестницы лежала красная ковровая дорожка, которую придерживали начищенные латунные прутья. В вестибюле у подножия лестницы стояли огромные напольные вазы, из них торчали букеты искусственных цветов.

– Вы к кому? – раздался голос.

Я невольно вздрогнула, повернула голову и заметила в углу, почти под лестницей, парня в черной форме, сидящего за письменным столом.

– В третью квартиру.

– К хозяйке, значит, – улыбнулся секьюрити, – второй этаж.

– Почему к хозяйке? – удивилась я.

Охранник хмыкнул:

– Так ей раньше, еще при царе, весь дом принадлежал. Она об этом всегда рассказывает. Бойкая такая бабуся, не подумаешь, что ей девяносто лет. Больше семидесяти не дать.

Я поднялась по роскошной лестнице на второй этаж. По мне, так, что семьдесят, что девяносто, – это уже глубокая старость. Вот двадцать и сорок – это существенная разница, а стукнуло тебе восемьдесят или сто, разобраться уже невозможно.

На втором этаже было три двери, все обитые розовой лакированной кожей. Я ткнула пальцем в кнопку звонка и услышала слабое «бом, бом». Залязгали запоры, и на лестничную клетку высунулась крохотная старушка, похожая на белую мышку.

– Вы Даша?

Я кивнула и вошла в темноватую прихожую, где сильно пахло пылью.

– Раздевайтесь, – радостно предложила бабуся, – сейчас чаю попьем, а еще лучше кофе со сливками. Не возражаете?

– Какая у вас дверь красивая! Розовая...

– Отвратительная, – рассердилась Амалия Густавовна, – прежняя была намного лучше. Из цельного мореного дуба, я ее с трудом открывала, и замки стояли от «Файна». В 1916 году врезали, а они как новенькие. Вы слышали о «Файне»?

– Нет.

– Да, действительно, откуда, молода слишком. А эту дверь мне купили соседи. Они богатые люди и хотели, чтобы лестница выглядела прилично. По-моему, сейчас она стала кошмарной, но им нравится. Простонародье обожает блеск и цыганщину.

Продолжая тархтеть, она пошла в кухню.

– Принесли яичко? – с детской непосредственностью поинтересовалась бабуся, сев за круглый стол.

– Амалия Густавовна, я его не брала.

– Ах, какая жалость, – запричитала старушка, – так сначала обрадовалась, так понадеялась. Вы мне яйцо, а я вам сервизик. Смотрите, какой замечательный, может, передумаете?

– Откуда вы про меня узнали и что это за история с яйцом, дворником и кражей?

В лице Амалии Густавовны мелькнуло нечто похожее на злорадство, и она принялась обстоятельно рассказывать о делах давно минувших дней.

Родилась Амалия в этом самом доме в 1907 году. Ее отцу Густаву фон Корфу принадлежало все здание. Потом случилась Октябрьская революция...

Как это вам ни покажется странным, но Густава, его жену Марту и дочь Амалию репрессии не коснулись. То ли о них забыли, то ли посчитали безобидными, бог знает, отчего так вышло, только жили они по-прежнему на Арбате. Правда, от всего дома им оставили лишь одну квартиру, но других-то дворян вообще отправили на лесоповал. Фон Корфы не только остались живы, но им удалось припрятать многое из семейных ценностей – картины, иконы, посуду, кое-какие украшения. На улице они старались ничем не выделяться среди прохожих. Густав носил картуз и не слишком ладный костюм, Марта имела скромное пальто без остромодной тогда чернобурки, а Амалия, сначала пионерка, потом комсомолка, надевала полосатые футболочки и начищала зубным порошком парусиновые тапочки. Домой девочка никого из друзей не звала.

– Папа очень болен, – объясняла она одноклассникам, – он шума не выносит.

То же самое говорила коллегам Марта, работавшая скромным библиотекарем.

– Муж, к сожалению, из-за болезни стал нелюдимым, все его раздражают.

Короче говоря, в их квартире никто из посторонних не бывал. Но Густав был абсолютно здоров. Фон Корфы просто не хотели, чтобы любопытные глаза ощупывали мебель, картины и иконы. Но самым ценным в их доме было яйцо работы Фаберже. Густав подарил его Марте

в 1907 году на Пасху, специально заказал мастеру, заплатив немалые деньги. Через десять лет случилась маленькая неприятность – один из изумрудиков, украшавших верхушку, потерялся, и Густав снова обратился в ту же мастерскую. Уже грянула революция, ювелиры сворачивали дело, нужного изумруда у них не оказалось, и на пустое место вставили сапфир. Так яйцо и осталось с «отметиной». Марта очень дорожила подарком и считала его семейным талисманом.

– Видишь, какое оно красивое, – показывала она раритет маленькой дочери. – Вырастаешь, береги его, помни: пока яичко с тобой, все беды отлетят.

Так Амалия и выросла, сохранив наивную детскую уверенность в волшебную силу безделушки.

Густав скончался в 1941 году, Марта пережила его на десять лет. Амалия осталась одна.

Глава 7

Жить ей стало тоскливо. Друзей не завела, сказалась привычка никого не звать к себе в дом. Семейная жизнь тоже не сложилась. Лучшие годы пришлось на войну, потом ухаживала за тяжело больной матерью. Похоронив Марту, Амалия поняла, что куковать ей теперь в одиночестве до конца дней. Хотя о какой старости могла тогда идти речь? Женщине только исполнилось сорок четыре года. По ночам она иногда плакала в подушку, пытаясь задушить рыдания. Зачем всегда слушалась маму? Марта запрещала дочери встречаться с кавалерами, презрительно роняя:

– Они не нашего круга.

Но где же ей было искать тот круг? Осколки благородных фамилий тщательно скрывали свои знатные корни. Это после перестройки многие мигом стали князьями, графами и баронами, а долгое время все они писали в анкетах, в графе «происхождение»: из рабочих. Да и Корфы, кстати, тоже сообщали о себе, что они – «служащие». Если кто начинал удивляться их редкой фамилии, Марта быстро поясняла:

– Мой муж был подкидышем, на улице нашли. Воспитал его дворник, немец по происхождению, отсюда и пошла эта фамилия.

Когда началась война, эта версия претерпела некоторые изменения.

– Мой супруг, – сообщала Марта, – был сиротой, воспитан дворником, который подобрал на улице младенца. Добрый человек носил фамилию Корфоленьяновешский, он был поляком. Но попробуйте выговорить такое! Поэтому фамилию и сократили до первых четырех букв, и он стал Корфом.

Но подобные ситуации, когда нужно было что-то объяснять, возникали редко – друзей у семьи не было. А у Амалии с детства сложилось мнение: дворник – это хороший человек. Девочке лет до двадцати не сообщали правду о ее происхождении. Только в 1927 году мать показала ей документы и велела строго-настрого хранить тайну. Но уверенность в том, что все люди с метлой благородны, по-прежнему жила в душе Амалии. Из-за этого-то она и лишилась яйца.

В 1960 году в их дом въехали Рыковы. Анатолий, Зина и мальчик Юрочка. Амалия, страшно одинокая и абсолютно никому не нужная, сблизилась с молодой семейной парой. Он был дворником, значит, все в семье были хорошими людьми. Иногда детские впечатления оказываются очень крепкими. И хотя Амалия давно знала правду о происхождении отца, новые соседи вызвали у нее почти родственные чувства. Она захотела подружиться с ними, и скоро Рыковы стали своими людьми в ее квартире.

Анатолий и Зина между собой посмеивались над окончательно выжившей из ума старой девой, но не отталкивали тетку. Будучи людьми корыстными, они частенько брали у нее деньги в долг. «Для Юрочки», – так говорила всякий раз, радостно улыбаясь, Зина. Амалия сильно полюбила мальчика, а ему постоянно требовались брючки, ботиночки, хорошая еда... Естественно, взятые поначалу копейки, а потом и рубли, обратно к ней не возвращались. Но Амалия не жалела о потраченных на благое дело радужных бумажках. Она относилась к деньгам легко, без жалости расставаясь с ними. Собственных детей нет, копить не для кого, так пусть хоть Юрочка порадуетса новому велосипеду или железной дороге. А еще в голове иногда мелькала мысль, что будет кому подать ей на смертном одре стакан воды. Короче говоря, через пару лет Амалия стала искренне считать Анатолия и Зину своими братом и сестрой, а к Юрочке относилась как к любимому племяннику. Естественно, что секретов от них она не имела. Рыковы знали о благородном происхождении, цокая от восхищения языками, рассматривали яйцо работы Фаберже и драгоценности, оставшиеся от Марты.

В 1970 году Рыковым наконец-то дали отдельную квартиру. Амалии показалось, что мир рухнул, она даже попробовала завести разговор о том, что как хорошо бы им по-прежнему жить вместе на Арбате. Она была готова, оставив себе одну комнату, поселить Рыковых в трех других, но Зина только качала головой:

– Спасибо, конечно, но своя хата лучше.

В одну из майских суббот Рыковы уехали. Телефона в их квартире пока не было, но адрес они Амалии оставили, пообещав, как только дом телефонизируют, мигом связаться с «тетей». Прошла неделя. Рыковы не объявлялись. Амалия решила развеять тоску и полюбоваться на яйцо.

Но бархатная коробочка оказалась пуста. Драгоценная безделушка исчезла, а вместе с ней пропали кольца, браслеты и броши Марты.

Невозможно описать, что пережила Амалия, когда обнаружила, что ее, попросту говоря, обокрали. То, что это совершили Рыковы, она предположила сразу. У нее дома, кроме них, никто не бывал.

Схватив плащ, женщина полетела по оставленному адресу. Дверь открыл Анатолий. Он широко улыбнулся.

– О, Амалия, молодец, что приехала. Мы, правда, хотели сначала распаковать вещи, а уж потом новоселье устраивать. Проходи на кухню.

– Толя, – пробормотала Корф, – умоляю, верни яйцо. Это мой талисман, мне мама завещала его хранить. Бог с ними с побрякушками, не нужны совсем, я сама думала их Зине передать, но яйцо отдай.

Когда Анатолий понял, в чем его подозревают, он сделался пунцовым и заорал:

– С ума сошла! Я честный человек, никогда копейки ни у кого не взял!

На шум вылезла Зина, сообразив мигом, о чем идет речь, она затопала ногами.

– Мерзавка! Да я всю жизнь по чужим людям полы мою, нитки не переложила. Как смеешь такое говорить! Дрянь! Подавись своими ломаными цепочками!

– С чего взяла, что это мы? – бесился муж.

– Так, кроме вас, у меня никто не бывал, – растерянно ответила Амалия.

– Ах, так уж и никто, – взвизгнула Зина, – как же! Доктор приходил, потом медсестра уколы делала, пенсию тебе на дом приносят. Вон сколько народа!

Амалия опешила. Она действительно недавно перенесла грипп. Прибегала к ней милая Леночка со шприцем, пенсию приносили регулярно.

– Ты когда свои цапки в последний раз проверяла?

– На Первомайские праздники, – пробормотала вконец замороченная дама.

– А сейчас июнь настал, первое число сегодня, – сообщила Зина, – убирайся вон и больше никогда не приходи сюда.

– Нечего с ворами дело иметь, – подвел итог муж и вытолкнул плохо соображавшую Амалию на лестничную клетку.

Она поехала домой. Голова кружилась, мозг отказывался повиноваться. Яйцо и впрямь могла утащить улыбчивая Леночка или терапевт из районной поликлиники, опять же почта-льон проходил в гостиную и терпеливо ждал, пока Амалия Густавовна отыщет паспорт...

Но разум подсказывал, что кражу совершили все же Рыковы. Только они знали, где лежали драгоценности, лишь им Амалия показывала, куда прятала заветные коробочки.

Естественно, следовало пойти в милицию, но в Амалии жил жуткий страх перед людьми в форме. Перешагнуть порог районного отделения, оказаться глаз на глаз со следователем было для нее совершенно невозможно, и она постаралась смириться с утратой.

Как нарочно после пропажи яйца ей на голову посыпались многочисленные неприятности. Сначала любимая кошка выпала из окна. И хоть лететь было невысоко, сломала позвоночник. Животное пришлось усыпить. Затем соседи сверху забыли выключить стиральную

машину, залили Амалии спальню, и роскошная кровать из красного дерева, семейное ложе Марты и Густава, развалилась. Следом косяком пошли болячки. Воспалилась вена на ноге, обострился колит, начало скакать давление, мучили головные боли. В довершение хулиганы подожгли почтовые ящики, и Амалия не получила свою любимую «Вечерку». А пожилая дама – большая охотница почитать перед сном в кровати газеты. К слову сказать, сейчас она покупает многое из того, что видит на лотках, в том числе и желтые газетенки. Но в те годы ее радовала лишь московская сплетница «Вечерка». Амалия взахлеб читала объявления о разводах, некрологи, скупые подробности из жизни артистов, писателей, художников. Для нее было настоящим горем не получать газеты. А гадкая почтальонша, увидав вместо ящиков обгорелые остовы, не мудрствуя лукаво, стала складывать почту в подъезде у батареи. Когда Амалия в восемь вечера спускалась вниз, выяснялось, что ее «Вечерка» либо порвана, либо испачкана, либо ее вообще нет.

У каждого из нас случаются тяжелые моменты, за светлой полосой наступает темная. Многие люди переносят неприятности, сцепив зубы, хорошо зная, что тьма сгущается перед рассветом, а после бури всегда выглядывает солнце. Но Амалия пала духом.

– Вот, – говорила она сама себе, – мамочка-то права была. Ушло яичко, и пришло горе. Ничто не могло ее убедить, что яйцо тут ни при чем.

Шли годы, рана не заживала. Подошла старость, потом дряхлость, и больше всего Амалии хотелось подержать в руках яичко, пересчитать хорошо знакомые камушки на верхушке: одиннадцать изумрудинов и один сапфир.

Представьте себе ее волнение, когда, читая газету «Улет», Амалия увидела сообщение о том, что некая особа украла яйцо Фаберже у профессора Юрия Анатольевича Рыкова. Хотя госпоже Корф и исполнилось много лет, ум у нее светлый, поэтому она мигом сообразила, как поступить. Набрала номер редакции и спросила телефон Даши Васильевой, воровки...

– И вам запросто его сообщили? – пришла я в изумление.

– Нет, не совсем, – замаялась старуха, – пришлось к ним съездить, там такой мальчик сидит, рыженький...

Она вздохнула, я тоже. Все понятно, «госпожа Резвая» – большой охотник до пиастров. Интересно, сколько он требовал с Амалии Густавовны?

И вот теперь старуха смотрит на меня с детской надеждой и предлагает:

– Вам, наверное, деньги нужны, душенька. Отдайте яичко, возьмите кофейный сервиз. Тоже «Фаберже», к тому же в нем килограмма три серебра, выгодный обмен.

– У меня нет яйца, – покачала я головой.

– Ладно, – покладисто кивнула мне бабуся, – хорошо, вижу, сервизик не по душе. Тогда возьмите вон ту картину. Это Репин, подлинный, документ есть из Третьяковки, подтверждающий это. Снимайте и уносите, только яичко отдайте, милая, дорогая, пожалуйста. Русские художники сейчас очень в цене, я могу газеты показать. Так как?

– У меня его нет, – устало повторила я.

Внезапно глаза хозяйки, чуть выцветшие и какие-то по-детски беззащитные, налились слезами.

– Ангел мой, – прошептала она, – берите и сервиз, и картину, очень уж хочется перед смертью яичко в руках подержать.

Тут меня охватила огромная жалость. Я положила руку на ее сухонькую, морщинистую лапку и твердо заявила:

– Дорогая Амалия Густавовна, клянусь своим здоровьем, не брала ничего у Рыкова.

Крохотные блестящие капельки побежали по щекам Корф.

– Я вам верю, – прошептала она. – Какая жалость, с вами можно было бы договориться. Но кто же тогда унес яичко, а? Где мне его теперь искать?

– Амалия Густавовна, обещаю, что стану сама искать вашу реликвию. Обязательно обнаружу вора, отниму у него яйцо и принесу вам, – торжественно пообещала я.

– Дай, детка, поцелую тебя.

Я наклонилась. Старушка клюнула меня в щеку холодными губами. От нее исходил аромат лаванды и чего-то непонятного, но дико знакомого. Внезапно я догадалась: так пахло от вещей, которые моя бабушка хранила в чемоданах на антресолях. Раз в году их открывали, перетряхивали, перекладывали содержимое высушенными цветами лаванды и вновь задвигали под потолок. Я обняла Амалию Густавовну и почувствовала, что под одеждой практически нет тела. Госпожа Корф походила на больную канарейку.

Пару секунд мы постояли молча, потом хозяйка пробормотала:

– Ты уж поторопись, пожалуйста, не ровен час уйду в мир иной и не увижу яичко.

В «Пежо» я села преисполненная злостью. Ну Рыков, ну врун. Целый роман придумал про фрейлину, кошку и царскую милость. А портреты в гостиной! Он ведь с самым напыщенным выражением лица вещал, указывая на написанные маслом лица.

– Это мой отец, граф Анатолий Рыков. К сожалению, до недавнего времени мы скрывали свое происхождения. Рядом его жена и моя мать Зинаида, урожденная Вяземская. Слева – дед, ему принадлежало имение под Москвой...

И все с почтением выслушивали эти речи, Жорка Колесов даже вспотел и чуть не начал кланяться Рыкову в пояс. А теперь выясняется, что «графья» – самые обычные дворники, да еще и воры в придачу. Нет, поймите меня правильно, снобизма во мне нет, но, если ваш папенька сапожник, столяр или электрик, не следует прикидываться человеком дворянского происхождения. Вот у меня, например, родители работали на Ивановской мануфактуре ткачами, а прапрабабка и вовсе была крепостной у барина. И что, я стала от этого хуже? Происхождением начинают гордиться и чваниться, когда больше нечем похвастаться. По-настоящему благородный человек ни за что не станет ставить себя выше других...

Руки сами собой схватили телефон, пальцы начали набирать номер Рыкова. Часы, правда, показывают около полуночи, в такое время неприлично звонить порядочным людям. Но Юрий Анатольевич Рыков к числу порядочных не принадлежит, поэтому сейчас ему мало не покажется.

– Алло, – пробормотал сонный мужской голос.

Ну, погоди, Рыков! Я затолкала в рот носовой платок и прошепелявила:

– Юрий Анатольевич?

– Кто это в такой час?

– Ваша неприятность.

– Что за идиотские шутки! На часы смотрели?

– Это не шутка, думали, что люди ничего не узнают?

– О чем? – сбавил тон профессор.

– Обо всем.

– Что имеете в виду? – осторожно осведомился негодяй.

Я возликовала. Ага, зацепило. Небось у мерзавца, как у многих людей, полно мелких пакостных тайн. Внезапно перед глазами предстала плачущая Амалия Густавовна, и я окончательно озлобилась. Ну держись, Юрочка. Я из-за тебя потеряла сон, но и тебе сейчас не спать.

– Мне о вас все известно!

– Что именно?

– Все! Думали, спрятали концы в воду? Ан нет! Есть, есть люди, которые такое о вас рассказали!..

– Идиотка! – вскипел Рыков. – Прекратите шантаж!

– Про яйцо от Фаберже, например, и про Амалию Густавовну Корф. Помните такую? Она вас любила. Кстати, ваш папенька-дворник и маменька-поломойка ее попросту обокрали.

Из мембраны понеслось напряженное дыхание. Решив его доконать, я вдохновенно добавила:

– Но это ерундовый секретик, так, скорей штришок к портрету. Есть, есть у вас за душой еще кое-что!

– Кто вы? – прошептал Юрий Анатольевич. – Чего хотите? Денег? Сколько? Называйте цену.

Смотрите, как засуетился, похоже, случайно попала в больное место каблуком.

– Кто вы? – настаивал Рыков.

Отчего-то в памяти всплыло имя – Роза Андреевна Шилова. Я подавила глупое желание назваться именем хорошо знакомой ему женщины и торжествуя сообщила:

– Я – ужас, летящий на крыльях ночи, твоя больная совесть, Впрочем, у тебя ее нет, я – твой кошмар, твой страх, твоя предсмертная дрожь. Впрочем, можешь просто называть меня любительницей омолаживающих кремов.

Отсоединившись, я шумно вздохнула. Абсолютно уверена, что милейший Юрий Анатольевич сейчас несется к аптечке за валокордином. Впрочем, насчет кремов, это я зря. Вспомнила не к добру про Шилу и брякнула бог знает что. А вообще здорово вышло, так ему и надо. Обязательно найду яйцо и вручу его Амалии Густавовне.

Глава 8

К дому я подкатила примерно в половине второго ночи и едва сдержала возглас удивления. Во всех окнах горит свет, а около подъезда стоит белый микроавтобус, сильно напоминающий «Скорую помощь», только без красного креста. Сердце тревожно сжалось. Что у нас случилось?

Первый, кого я увидела, был Дегтярев в мятых спортивных штанах и мятой майке. В руках он держал окровавленную простыню.

– Господи, – прошептала я.

– Явилась, – вздохнул полковник, – и на том спасибо.

Я хотела было начать задавать вопросы, но тут из столовой раздался вопль Кеши:

– Дегтярев, где белье?

Александр Михайлович юркнул в коридор, ведущий в кухню. Оттуда мгновенно появилась Ирка с чайником.

– Что у нас происходит?

– Дурдом, – резюмировала домработница и скрылась в столовой.

Недоумеая, я пошла за ней, рванула дверь и остолбенела. Столовая, еще утром бывшая нормальной комнатой, превращена в операционную. Большой стол, за которым мы едим, накрыт простынями, его освещают торшеры, которые собрали из всех комнат, у стола орудуют фигуры в халатах. На полу таз с окровавленной ватой и марлевыми тампонами, резко пахнет лекарствами.

– Отойди, – пнули меня в спину, и мимо прошмыгнула Зайка с кастрюлей.

Бледный Аркадий жался у окна с каким-то баллоном, сильно смахивающим на газовый.

Я выпала в коридор, увидела Дегтярева с кипой простыней и рявкнула:

– Что это за полевой госпиталь?

– Сейчас, – пробормотал полковник, – погоди.

Он нырнул в столовую. Я прислонилась к стене. Похоже, там идет операция.

– Жуть крошечная, – сообщил, выходя, Аркадий, – меня тошнит. Какой ужас! Неужели с бедными женщинами так же поступают.

– Да что случилось?

– Ей пришлось делать кесарево, – вздохнул Кеша, – мрак, теперь месяц спать не смогу.

Меня заставили помогать...

– Кому кесарево?

– Юне.

– Это кто? – оторопела я.

– Мать, – строго заявил Аркадий, – видишь, как плохо не бывать дома. Агата Кроуль оставила нам мопсиху...

– А-а-а, – вспомнила я, – точно, Юнону. Она еще все под стулом пряталась, толстенькая такая, есть отказывалась.

– Оказалось, что не жирненькая, а беременная, – вздохнул Кеша, – представляешь, как все перепугались, когда она застонала и дергаться начала.

Я слушала, разинув рот. Ольга и Кеша, увидав, что у собачки приключились судороги, кинулись звонить Дениске. Тот примчался и мигом понял, что это потуги. Везти Юноу в клинику было уже невозможно, поэтому бригаду хирургов вызвали на дом. Слава богу, сейчас все позади, щенки живы, мать, похоже, тоже.

– Сколько их? – только и смогла спросить я.

– Девять, – трагическим шепотом сообщил Аркадий, – мал мала меньше, просто мышата, а не собачки.

Я почувствовала легкое головокружение. Пять детенышей у Черри и этих девять, всего пятнадцать. Нет, тринадцать. Опять неверно. Пять плюс девять, это сколько? Поняв, что не способна решить данную сложную задачу, я заорала:

– И что мы станем с ними делать?

Кеша попятился:

– Не знаю. Черриных раздадим по знакомым.

– А девять мопсиков?

– Видишь ли, мать, – хмыкнул Аркадий, – они не совсем мопсы.

– Как это?

– погоди, – улыбнулся Кеша, – сейчас покажу.

Я опять осталась в коридоре подпирать стенку. Через пару минут Аркашка высунулся из комнаты и поманил меня пальцем. Я, стараясь не смотреть в сторону обеденного стола, добрела до подоконника и уставилась в таз. Глаз выхватил простынку, электрическую грелку, а на ней кучку ярко-рыжих кутят с длинными мордами. Я обомлела. Мопсы появляются на свет почти черными, потом они начинают «переплывать», светлеть, но рождаются темными, рыжими – никогда, и морды у них тупые, как у троллейбуса, а эти были несколько похожи на лисят.

– Кто это? – изумилась я.

– Дети Юноны, – пояснил Кеша, – небось в папочку пошли, «рыжие, рыжие, конопчатые». Эх, любовь зла, похоже, Юня мужа себе на помойке нашла.

Угадайте, кто возился со щеночками до утра, капая им в рот детскую смесь производства фирмы «Роял Канин»? Правильно, я. Все остальные были измучены. Маня потому, что помогала ветеринарам, Зайка из-за Юноны, которую, еще не отошедшую от наркоза, поселили у нее в спальне, а Кеша и Александр Михайлович дружно заявили: что их тошнит от запаха крови и что они пережили жуткий стресс.

Подобное заявление из уст адвоката не удивляло, но полковник милиции, закатывающий глаза при виде оперируемой собачки, это каково?..

– Ну и что, – насутился Дегтярев, – на трупы спокойно смотрю, а на разрезанных мопсов не могу. И вообще, налейте мне поскорей сто грамм коньяка.

Ночь прошла кошмарно. Глаз я не сомкнула ни на минуту. «Лисята» жалобно пищали. Я покормила одного, взяла второго, потом третьего... Четвертый категорически отказывался от еды, отплевывался и вывинчивался из рук. Я пыталась насильно накормить его, но потерпела полнейшую неудачу. В чем дело? Первые трое показали просто отличный аппетит. Взгляд случайно упал на раздутый живот щенка. Минуточку, кажется, именно его я и кормила первым. Вот незадача. С Черринными детьми было легко – они все разные, эти же словно новенькие монеты. Что делать? Слегка поразмыслив, я притащила из кабинета коробочку с фломастерами для «боди-арта». Новый год мы всей семьей отмечали в ресторане. Там был устроен костюмированный бал, поэтому и были куплены средства для раскраски тела. Теперь они очень пригодились. Значит, так, тех, которые поели, отмечу зеленой краской.

В семь утра я нечаянно заснула, в девять, проснулась в полном ужасе, обнаружив, что щенки рыдают в голос от голода. У меня просто опустились руки. Их еще нужно обтирать тряпочкой. А я ведь собиралась искать яйцо Фаберже! Шатаюсь от усталости, я спустилась в столовую. Комната вновь приобрела обычный вид.

– Р-р-р, – донеслось из угла.

Я посмотрела в ту сторону, откуда шел звук. Черри, встопорщив шерсть, загораживала собой пищавших щенят.

– Перестань, никому они не нужны.

Пуделиха, ухитрившаяся за одни сутки превратиться в ненормальную мамашу, принялась истово нализывать детей. И тут меня осенило...

Забыв про гудящую голову, я понеслась наверх, схватила коробок с «лисятами», притащила его в столовую и сунула одного щенка Черри. Та как ни в чем не бывало принялась облизывать подкидыша. Я обрадовалась и подложила ей всех рыжих щенят. Черри с легким недоумением оглядела увеличившееся семейство. Мне показалось, будто она хочет поинтересоваться:

– Эти-то откуда взялись?

Но инстинкт взял верх над разумом. Тяжело вздохнув, Черринька принялась сгребать деток в кучу. Я перевела дыхание. Отлично, жаль, что не догадалась сделать из нее приемную мать вчера вечером. Спала бы себе спокойно. К ужину Юнона придет в себя, и я разделю детей.

Когда проводишь ночь без сна, в голове рождаются гениальные мысли. Недрогнувшей рукой я набрала номер косметической клиники и попросила:

– Позовите Шилову.

– Минуту, – ответил вежливый девичий голос, и зазвучала музыка, вернее, одна фраза, повторяемая бесчисленное количество раз.

Мне она надоела сразу. Ля-ля-ля. Ля-ля-ля.

– Слушаю, – прервал треньканье красивый сочный голос.

– Роза Андреевна?

– Да.

– Мне посоветовала обратиться к вам Ирэн Фабер, помните такую.

– А как же.

– Можно приехать?

– Сегодня в два устроит? Как ваша фамилия?

– Васильева, – без тени колебания ответила я.

Шилова совершенно не удивилась. Ивановы, Петровы, Васильевы – самые распространенные в России фамилии. К тому же она вряд ли помнит фамилию новой гостьи, появившейся на приеме в доме Рыкова.

Буквально влетев в кабинет Шиловой, я шлепнулась на стул, стоявший у стола, и сообщила:

– Звонила вам утром. Будем знакомы, Дарья Васильева от Ирэн Фабер.

Роза Андреевна достала из футляра очки, спокойно надела их и с глубоким изумлением воскликнула:

– Вы?

– Мы знакомы?

– Естественно.

– Да? – продолжала я кривляться.

Потом прищурилась, указательным пальцем подтянула кожу возле правого глаза:

– Простите, сильно близорука.

– Отчего очки не носите? – спросила косметолог.

– Они мне не идут.

– Тот, кто постоянно морщится, желая что-либо разглядеть, наносит большой вред своей коже.

– Так где мы виделись?

– В гостях у Юрия Рыкова.

– Какая гадость, – всплеснула я руками, – отвратительно.

– Что? – опешила Шилова. – Что вы имеете в виду?

– Этот, с позволения сказать, профессор, – прикидывалась я полнейшей идиоткой, – представьте себе, какая мерзость! У него из дома пропала дурацкая игрушка, а он обвинил в воровстве меня. Меня!!! Да зачем бы мне вдруг понадобилось тырить всякую дрянь, а?

– У Рыковых пропало пасхальное яйцо.

– Фу, – фыркнула я, – честно говоря, не слишком-то поняла, что у них сперли. Яйцо! Протухшая штука с крашеной скорлупой. Вот уж ценность, прямо-таки умопомрачительная! Оно что, золотое?

– Вы угадали, – пояснила Роза, – именно золотое, работы Фаберже, очень дорогая вещь, доставшаяся Юрию Анатольевичу от бабки-фрейлины.

– Ну и на фиг оно мне сдалось? – перешла я на подростковый сленг. – За каким таким шутком мне чужие пыльные воспоминания понадобились?

Шилова тяжело вздохнула. Очевидно, она решила, что видит перед собой клиническую идиотку. К тому же я натуральная блондинка с голубыми глазами, а такие дамы, как всем известно, – круглые дуры.

– Эта, как вы выразились, пыльная штучка – очень дорогая вещь, – принялась растолковывать Роза.

– Ха, – прервала ее я и выложила на стол платиновую кредитку, – видали такие карточки? Шилова кивнула.

– Могу, сами понимаете, любую вещь себе приобрести.

– Я вас ни в чем не подозреваю. Юрий Анатольевич очень импульсивен, он действовал под влиянием минуты. Ляпнул первое, что пришло в голову.

– Интересное дело, – вскипела я, – почему именно на меня пало подозрение? Может быть, это вы яйцо сперли?!

– Я?!

– Вы!!!

Роза Андреевна вытащила из сумки сигареты и заявила:

– Вы с ума сошли. Я бываю у Рыковых регулярно, на меня и подумать невозможно. К тому же терпеть не могу чужие безделушки, у меня к ним какая-то брезгливость. Представлю, что их трогают сморщенными руками старухи, и меня просто передергивает.

– Ничего, ничего, передернулись себе и понесли в скупку. Сами говорите, что вещь дико дорогая. Может, у вас долги!..

– Вы на что намекаете? – покраснела Роза. – Какие такие долги? Уж извините, хвастаться не приучена, но смотрите.

И она тоже вытащила из кошелька «Мастер-кард» только не платиновый, а золотой. Похоже, у тетки там лежит тугая копеечка.

– Ну и чего? – фыркнула я. – Деньги к деньгам. Увидели и сперли. Между прочим, выходили из гостиной, довольно надолго.

– Косметику поправляла, – занервничала Роза, – в ванной наносила макияж.

– А по дороге зарулили в кабинет и приделали яичку ноги.

– Юра хранит его в спальне, – взвилась Роза, – ничего-то вы не знаете.

– Вот и здорово, – мигом воспользовалась я ее промахом, – зато вам хорошо известно, где Рыковы держат фамильные раритеты. Ну и ладненько, сейчас двину в милицию, пусть там разбираются, кто прав, а кто виноват. Мне не очень хочется, чтобы народ кругом твердил: Дарья Васильева – воровка.

Роза Андреевна сильно изменилась в лице:

– Я ничего не брала!

– Я тоже.

Разговор зашел в тупик. Подождав пару секунд, я ласково пробормотала:

– Верю вам, такая милая, интеллигентная дама не способна на воровство.

– Вы тоже не похожи на домушницу, – не осталась в долгу Роза.

– Но понимаете, что мы замазаны? Люди долго будут говорить: неизвестно, кто из них украл, но яичко-то исчезло...

– Сама об этом думала, – вздохнула Шилова, – вчера как раз размышляла на эту тему.

– Может, кто из этих украл...

– Кого имеете в виду?

– Ну, мужчины...

Роза Андреевна улыбнулась.

– Невероятно. Они работают в НИИ тонких исследований. Владимир Сергеевич – директор, Леонид Георгиевич – его зам по научной части. Оба доктора наук, известные люди. Такое просто невозможно.

– Там еще был некий Яков.

Роза поджала губы.

– Ах этот! Ничего о нем сказать не могу. Выглядит отвратительно. Хотя тоже в НИИ тонких исследований работает. Кстати, на вечере присутствовал также и ваш кавалер.

– Он ни разу не выходил из комнаты.

– Это верно, – пробормотала Роза, – я, честно говоря, подозревала вас и Якова. Хотя теперь понимаю: вы не из таких. Да что мы все об этом яйце, давайте о деле.

Я чуть было не спросила: «О каком?» – но вовремя вспомнила, что явилась сюда за второй молодостью. Пришлось старательно изображать из себя клиентку. Сначала Шилова зажгла яркую лампу и, нацепив себе на нос нечто очень похожее на бинокль, принялась изучать мое лицо. Наконец она вынесла вердикт:

– Катастрофы пока нет, думаю, обойдемся одним курсом. Сначала сдайте анализы. Эти натошак, а...

– Зачем? – изумилась я.

Роза глянула на меня.

– Ирэн не рассказывала, в чем суть?

– Нет.

– И про цену не говорила? – нахмурилась косметолог.

Я принялась выкручиваться:

– Вы же ее знаете, фик-фок на один бок, никакой серьезности. Прощебетала так небрежно: «Душечка, бегом несись к Розе Шиловой, она просто кудесница. Сбросишь двадцать лет, правда, дорого стоит, но зато какой результат!»

– Очень похоже на Ирэн, – вздохнула Роза. – Слушайте: курс омоложения состоит из нескольких процедур. Массаж, который я делаю сама, прямо тут, в кабинете, и уколы.

– Уколы! Гормоны! Ни за что!

– Смотрите, душенька, – ласково сказала Роза и вытащила альбом.

Я принялась перелистывать тяжелые страницы. Справа фотографии женщин с увядающей кожей, сеточкой морщин, подглазными мешками и рассыпью пигментных пятен. На противоположной странице – снимки их дочерей. Гладкая, ровная, упругая на вид кожа, сияющие глаза; щеки, радующие глаз персиковым румянцем. Если тем, кто слева, смело можно было дать пятьдесят с хорошим хвостиком, то помещенные справа тянули на двадцать пять, от силы на тридцать.

– Вы хотите сказать, что это результат уколов?

– Всего комплекса мероприятий.

– Невероятно, что же вы вводите своим пациентам?

Шилова засмеялась:

– Дорогая, вы же понимаете, что я никогда не раскрою свою тайну. Это мой секрет, «ноухау», оригинальное изобретение. Данной методикой, смею уверить, владею только я. Удовольствие это дорогое, но оно того стоит.

– И сколько?

– Массаж и уколы – пятнадцать тысяч долларов.

– Один курс?

– Да, но в большинстве случаев его хватает на годы. Хотя гарантий, что не понадобится второй, дать не могу. Все очень индивидуально. Но потом вам придется покупать крем для лица и, если захотите, для рук. Вот он.

Жестом фокусника она выставила на стол простую пластмассовую баночку. «Маркус» – гласила наклейка. Надо же, точь-в-точь такие толпились в ванной у Сабины.

– Пятьсот долларов, – спокойно сообщила Шилова, – совсем недорого, учитывая сногсшибательный эффект.

– Можно подумать до завтра?

– Конечно, если примете решение, звоните и приезжайте сдавать анализы.

Я кивнула и пошла к двери.

– Еще деталька, – остановила меня врач, – я не рекламирую свои услуги, беру лишь тех, кто способен заплатить.

– Естественно, – согласилась я, – это ваш бизнес.

Глава 9

По дороге домой я обнаружила, что закончились сигареты, и, припарковавшись возле какого-то метро, пошла разглядывать ларьки. Сигарет «Голуаз» не было. В одной будке я увидела знакомую пачку, но красного цвета, а мне требовалась голубого. Густо натыканные палатки радовали глаз изобилием. Печенье, конфеты, разноцветные бутылки, орешки, чипсы. Хорошо теперь в Москве, можно купить все что угодно. Хотя и подделок полно. Вон красуется «Парфюмерная лавка». Не советую покупать там французские духи. Глаз заскользил по полочкам, и я увидела знакомые баночки «Маркус». Интересно, однако. Я наклонилась к окошку.

– Почем «Маркус»?

– Восемьдесят рублей, – последовал ответ, – берите.

– Сколько?

Толстая продавщица принялась нахваливать товар.

– Дороговато, конечно, можно подешевле отыскать, но крема хорошие, все довольны, попробуйте.

Я приобрела тюбик, на котором значилось «Бальзам для рук», вернулась в «Пежо» и принялась изучать содержимое.

Выглядела и пахла светло-желтая масса не слишком приятно, каким-то лекарством. Размазав ее по кисти, я поехала в Ложкино. Вот ведь как странно. Тот же «Маркус» в кабинете Шиловой стоит пятьсот долларов. Предположим, что она – вульгарная обманщица, встречаются такие нечестные доктора. Подсовывает клиенткам самую обычную мазь и уверяет, что дает им волшебное средство. Но неужели она и Сабину надует? У той полочка просто ломилась от продукции фирмы «Маркус»: кремы, лосьоны, маски – словом, вся косметика была под этой маркой. И потом, я-то хорошо помню, как у меня мигом сошло пигментное пятно на одной руке. Значит, хитрая Роза случайно обнаружила качественную отечественную косметику и теперь впаривает ее наивным богачкам. И не боится, что поймают.

Я въехала в ворота. Опасаться ей некого. Дамы, которые готовы, не поморщившись, выложить пятнадцать тысяч долларов за гладкую морду, не ездят в метро и не разглядывают дешевую косметику в ларьках, так что шанс попасться почти равен нулю.

Вечером, лежа в кровати, я приняла решение. Все складывается просто великолепно. Похоже, что Роза и впрямь не брала яйца. Не знаю, откуда взялась во мне эта уверенность, но она присутствовала. Вот и хорошо. Завтра заявлюсь к Шиловой, покажу ей эту баночку, сообщу, что знаю правду, и за свое молчание потребую всю известную ей информацию о Владимире Сергеевиче, Леониде Георгиевиче и Якове.

Счастливо улыбаясь, я заснула крепким сном. Разбудил меня телефонный звонок. Прежде чем схватить трубку, я глянула на будильник: шесть утра. Небось ошиблись номером. Сколько раз убеждалась, что на ночь следует отключать мобильный. Частенько звонят пьяные, с тупым упорством требующие Лену, Галю, Аню...

– Алло, – буркнула я, собираясь сказать следующую фразу: «Вы не туда попали».

Но из наушника понесся высокий нервный голос моей подруги Риты Замощиной:

– Дашка, у тебя есть парча?

– Что? – не разобрала я спросонок. – Арча? Это что? Продукт или животное?

– Парча!!! – заорала Рита. – Материал такой блестящий, с золотой ниткой.

– Нет, – ответила я растерянно.

– Катастрофа! – завопила Рита. – Все пропало! Прямо-таки и нет? А шторы? Помнится, у вас в столовой висят бежевые портьеры с золотой вышивкой.

– Правильно, но это не парча, а шелк, Зайка привезла из Парижа, мы...

– Они блестят? – перебила меня Рита.

– Ну... немного, – ответила я, сдаваясь под этим натиском.

– Переливаются?

– Да.

– Еду.

– Куда?

– К тебе, – сообщила Рита, – снимай одну штору, она мне нужна.

Я села в кровати и уставилась на противно пищашую трубку. Мне почудилось, или Рита и впрямь уже катит сюда, чтобы снять нашу штору? Да что случилось-то, в конце концов?

Все выяснилось через сорок минут, когда ненакрашенная Ритуська влетела в мою спальню и заорала:

– Давай скорей, у меня времени только до девяти. В десять начало, а их еще скроить и сшить надо. Надеюсь, у тебя есть машинка?

– У Ирки имеется, – робко ответила я.

Ритуська весит почти сто килограммов, но и росту у нее гренадерский, чуть-чуть до метра девяносто не дотянула. В молодости она играла в баскетбол и даже добилась определенных успехов. Сами понимаете, попадаться ей под горячую руку не рекомендуется.

– Хорошо, – резюмировала Ритка, – тащи стремянку.

– Зачем?

– Штору снимем, с пола даже я не дотянусь. Ну торопись же, времени в обрез.

И она стала энергично выталкивать меня в коридор. С огромным изумлением я затем наблюдала, как Ритка отцепила одно полотнище и удовлетворенно пробормотала:

– Прекрасно, они чистые. Тащи ножницы и машинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.